

Аня Савватаре

НАЕМНИЦА

Асент, что стоит на морском берегу, Где ветер волною ловит волну, Где краше девицы, чем солнечный свет, Где золотом, вишней, алеет рассвет, Жила там девчонка когда-то одна, В таверне хозяйство вела до темна, Весною цветы собирала в полях И не было страха в лучистых глазах. Но боли, несчастий вкусила сполна, Она ведь девчонкой всего лишь была. Убийца-наемник встал на пути И пала сестра от жестокой руки. Таир, что жила лишь четыре годка, И младшей сестрою Лэа была. Стрелой запрещенной ребенка сразил И ей же девчонке лицо разрубил Оставил в таверне одну умирать Ему ведь было на все наплевать. Но жрицы, что Лэа чудесно спасли, Ярость ее не смогли отвести. Девчонка хотела вернуть все сполна, Она в этом мире осталась одна! Ярость и ненависть, боль со слезами Она бесполезно глушила ночами. И злоба слепая в душе поднималась, Ведь все, что в жизни теперь ей осталось, Наемнику, Джеру, за все отплатить Чтоб раны в душе своей залечить... Ей было тогда четырнадцать лет, Но слаще, чем кровью, отмщения нет...

Пролог

«Краткий обзор истории Элатеи»

Эта история произошла много веков назад, во времена существования древних стран и их великих правителей. Во времена, когда миру было три тысячи четыреста двадцать пять лет, но он все еще оставался юным и чистым.

В то время жили люди, сильно повлиявшие на его судьбу и во многом изменившие ход истории.

Элатея тогда не была еще похожа на лоскутное одеяло. На ее материке, омываемом с четырех сторон океанами, мирно сосуществовали восемь государств.

Далория, Асент, Аурум, Роккам, Анимилия, Соллос – ими управляли люди, наделенные божественной властью монархи.

Его Величество король Тирнау, глава далорской державы, самой крупной, сильной и развитой страны, обладающей огромной военной мощью, был, однако, ревностным сторонником мирного сосуществования государств, что противоречило действительности. Далория обладала рядом суверенов, подчиненных ей мелких несамостоятельных государств, одним из которых являлся Асент, обладавший немаловажной ролью в этой истории.

Роккам, которым правил император Дэйдэн I Хитрый, мало чем уступал Далории, но его неоспоримым преимуществом было удобное расположение и доступ к двум важнейшим торговым морским путям – в Анимилию и Соллос.

Отдельно стоит также упомянуть про утопическое королевство Аурум, которым испокон веков управляли женщины. Это государство никогда не воевало, оно являлось заповедным уголком Элатеи, в нем можно было встретить вымершие в других краях растения и животных. Аурум изобиловал цветами люциана, из которых получали тончайший шелк, а также другими редкими растениями. Кроме того, в горном пределе страны были залежи очень редких самоцветов и металлов, добыча которых никогда не велась. Это не очень устраивало гномов, и из века в век они пытались добиться разрешения вести на территории Аурума добычу авильоанса, из которого была сделана корона блистательной и милостивой королевы эльфов. Однако же Юлиана, царица Аурума,

оставалась непреклонной. Чего только не сулили им гномы! Несметные богатства, охрану границ, службу короне и многое другое. Ходили, однако, слухи, что гномы прорыли подземный ход, эти же просьбы являлись отвлекающим маневром, а на самом деле добыча авильоанса давным-давно тайно велась ими в неизведанных недрах аурумских гор.

Соллос и Анимилия – южные страны, обе первоочередной своей задачей считали торговлю: первая дарами моря, а вторая ученостью и умами людей. Анимилия всегда являлась образовательным центром мира, в ней находились десятки университетов и школ.

Но не только люди царили в Элатее, хоть и занимали большую ее часть, стеснив своих соседей на край света – Предельный Восток, куда никогда не отплывали корабли, ибо не было там ни царств, ни земли, ни жизни, одно лишь бескрайнее море.

Гномы ушли сами, забрав горные земли на юге Востока, укрылись глубоко под землей, абсолютно не заботясь о своих наземных территориях. Они не признавали границ, любой человек мог свободно ходить по их наземной территории, но не должен был соваться под землю, к ним. Все гномьи города находились в так или иначе известных горах: Хаар, Ругг, Нээлаг, Ганга, Ангорн...

Но вернемся к историческим фактам, отойдя от легенд и мифов.

До сих пор не удалось найти проходов, ведущих в подземные города и доказать точное существование как самой расы гномов, населявших некогда Элатею, так и выстроенных ими городов. Ученые склоняются к мнению, что эти ходы были завалены гномами, когда они предположительно массово бежали за море во время последней магической войны, вызванной Лэа ун Лайт.

Этот исторический персонаж заслуживает отдельного упоминания, но о нем чуть позже.

Несладко пришлось не только гномам: люди оттеснили еще одну расу, эльфов. Гордым и независимым *Elde Taurge*, как они называли себя, пришлось несладко. Эльфы покидали обжитые места и уходили далеко на восток. Они отступали медленно, нехотя, и с боем, сражаясь за каждый клочок плодотворной земли. Выбрав же себе границы, эльфы по всему периметру выставили лучников, которые выпускали только одну предупредительную стрелу. Человек, пересекавший ведомую только эльфам грань, тотчас падал со стрелой в шее. Люди же, которым посчастливилось посетить вновь выстроенные эльфьи города, захлебывались об их роскоши. Кан Д'Иар, Иммаллиэн, Л'Амини, все эти города блистали от обилия мрамора и зелени. Жилища эльфов, являющиеся делом их рук, удивительно гармонично вписывались в природу и ландшафт.

Из всех эльфьих городов до нашего времени дошел только Кан Д'Иар, как полагают ученые, хотя с точностью установить происхождение развалин города не удалось. Известны только весьма приблизительные географические координаты эльфьей столицы, найденные в Университетской Библиотеке Анимилии. Эти краткие сведения натолкнули ученых на мысль, что существование трех народов все же являлось историческим фактом, что дает основание полагать и возможность существования легендарных исторических персонажей: Лэа ун Лайт, Джера вай Листаун, больше известного как Человек в Волчьей Маске, Кэррима Кэллисту Дианти Ригайн Фариха Тиррэц Лейхауна Элфин Даэлнор Зин Маэльзайна, Рэнди кир Каллэха, четырнадцати масэтров Логи Анджа и многих других личностей.

Стоит отметить и существование Логи Анджа, возвышавшейся на северо-западном острове. Лога Анджа не относилась к одной расе. В нее могли плыть все, кто хотел

доказать свое право там учиться.

Руины этой великой школы были обнаружены относительно недавно, когда сильное 10-бальное землетрясение на дне океана подняло на поверхность остров. Удалось с точностью установить исторические рамки существования школы воинского искусства. Продолжительность ее жизни составляет более трех тысяч лет, что невероятно само по себе. Школа зародилась одновременно с магией, но после падения великих магесс просуществовала еще две тысячи лет в ожидании их возвращения. Лишь после того, как магия была возвращена, школа рухнула, как и весь древний мир, во время новых магических войн. Печально, что никаких доказательств существования магии, как и первородных рас не дошло до нашего времени. В настоящее время на Безымянном острове ведутся археологические раскопки, в ходе которых была совершена исключительная находка: был обнаружен меч древней работы, прекрасно сохранившийся, и, предположительно, являющийся тем самым Карателем, принадлежавшим некогда Лэа ун Лайт.

Теперь мы подошли к легендарному историческому персонажу, положившему начало концу древнего мира. О Лэа ун Лайт известно немного: и то немного, что мы знаем, о древних государствах и людях, их населявших, мы изложим далее.

*«Ректор Исторического Факультета
Университета Республики Анимилии
Имени Хьяла ун Лайт
Джейк Джоунсон.
6475 год от начала мира».*

Глава I: Лэа ун Лайт

Догорал костер, истлевая последними тусклыми искрами. Из него едва сочилось сдуваемое ветерком тепло. Далеко на востоке вставала заря. Это было заметно по едва посветлевшим серым верхушкам эльфьих Замиэйских гор.

Она лишь плотнее закуталась в новую, еще поскрипывающую при резких движениях, кожаную куртку. Девушка поближе придвинулась к костру. При сером свете рассвета стало видно ее худое загорелое лицо с горящими каким-то болезненным блеском обсидиановыми глазами. Они светились в темноте, как у дикой лесной кошки, наводя жуть на всех, кто ее не знал. Правую бровь, искривленную переносицу и левую скулу пересекал узкий белый шрам. Черные волосы, отливавшие густым синим цветом, были спрятаны под мужской шляпой, слегка надвинутой на глаза, но некоторые пряди выбились на лбу и висках. Она сидела на охапке желтых листьев, поджав ноги в высоких зашнурованных ботинках. Руки в истертых кожаных наручах без пальцев выдавали в ней хорошего воина. Ее внешность была отталкивающей, во многом из-за дикого, прищуренного и невероятно жесткого взгляда, рассекающего лицо шрама, резких хищных движений и сжатых в узкую полоску губ. Но вместе с тем было в ней и что-то неуловимо притягивающее. Были ли этому виной ее печальные в глубине, светящиеся, как звезды, глаза или тихая речь, а может, и уверенность, которую излучал ее вид, упрямо вздернутый подбородок или поблескивающая в темноте внушительная рукоять меча, – истинно нельзя было установить.

Но в этом бледном лице, обрамленном небрежно собранными волосами, была заключена особая сила и красота, стоящая выше, чем просто внешняя привлекательность.

Эта девушка звали Лэа ун Лайт. И была она наемницей, прошедшей школу Логи Анджа.

И сейчас она прижимала какие-то травы к левому плечу и время от времени тихо ругалась. Лэа была ранена.

Вокруг нее, в свете костра, лежало множество разных предметов: полу выдвинутый из ножен, оплетенных кожаным ремешком, стальной меч великолепной гномьей работы с красивой вязью на лезвии; потертый, выдавший виды камень, которым девушка долго и терпеливо разжигала сырой хворост костра; остро заточенный нож, которым она резала серый хлеб, купленный в деревне в двух милях отсюда к востоку; бутылка, с плескавшейся в ней прозрачной жидкостью; бережно свернутое письмо; костяная игла с вдетой крепкой ниткой и какие-то пузырьки. При малейшем движении девушка морщилась, и шрам на ее лице начинал змеиться, как живое существо.

– Лэа? Ты здесь? – окликнул ее чей-то голос.

Лэа обернулась, непрестанно морщась от боли, сводившей плечо. В свет умирающего костра шагнул мужчина. Лицо его было скрыто капюшоном.

– Здесь, Хьял, – устало отозвалась девушка.

– Я был в деревне. Мне удалось раздобыть обезболивающее средство.

Мужчина присел у костра и скинул капюшон на плечи. Лицо его было абсолютно идентично лицу Лэа, оно отличалось лишь отсутствием шрама. Одинаковые глаза, одинаковые надбровные дуги, худые лица, волосы.

Хьял протянул Лэа вытянутую склянку с густой жидкостью. Лэа отвинтила пробку и понюхала содержимое флакона.

– Пахнет ужасно, – скривилась она. – Значит, поможет.

– В деревне только о тебе и говорят. Не удивлюсь, если местные барды сложат о тебе балладу. Знаешь, какими невероятными подробностями обросла твоя расправа с кучкой этих наемников?

– Какими же? – Лэа сосредоточенно и очень осторожно покрывала рану вонючей мазью из склянки.

– Говорят, ты пошла одна против десятерых. Черноволосая бестия с глазами демона, вершащая праведный суд. – В голосе Хьяла улавливалась тонкая, но не злая, насмешка.

Лэа сморщилась.

– Паршивый был день. Мало того, что куртку порвала и пришлось покупать новую, так еще и этот толстяк зацепил меня. Мне уже осточертело здесь сидеть и прикладывать к различным местам настойки и травы, так что сейчас мы сворачиваем лагерь и двигаемся в путь.

Хьял покачал головой.

– Нет, Лэа. Ты не выдержишь и часа в седле. Ты мгновенно растрясешь больное плечо.

– Мы выезжаем, – хладнокровно повторила сестра. – И направимся в Виррокузию. Я хочу получить свое вознаграждение.

– Оно никуда не денется, – проворчал Хьял, прекрасно понимая, что спорить с ней бесполезно. – Залечила бы руку и ехала бы себе на здоровье.

– Нет, – Лэа встала. – Светает. Мы едем в Виррокузию.

Она подняла с земли рюкзак и, присев на корточки, стала собирать свое нехитрое имущество. Последним спрятала перевязанное ленточкой письмо, врученное ей местным старейшиной. В этом письме было уведомление о том, что наемница Лэа ун Лайт прекрасно справилась со своей работой, вырезав всех главарей далорского заговора до единого.

Хьял ун Лайт, брат Лэа, встал. Все его вещи были собраны. Он затянул покрепче завязки рюкзака и прикрепил его к тюкам на крупе своей лошади.

– Зашей, – Лэа протянула Хьялу иглу. – Сама рана затянется еще нескоро.

– Садись.

Лэа скинула куртку и закатала рукав рубашки, обнажив загорелую руку с глубокой сочащейся кровью раной.

– Боже, ну и запах... – сморщил нос Хьял. – Что они туда добавили... Готова?

Лэа кивнула, закусив губу. Ей не впервой приходилось зашивать собственное, расплзающееся на куски, тело. На ней было около двадцати шрамов, большую часть из которых она зашивала сама. Лэа не любила зеркала, потому что ее отражение вызывало горькую усмешку, для посторонних казавшуюся жуткой, из-за неровно змеящегося шрама. Лэа ун Лайт не страдала по поводу многочисленных шрамов. Об этом пусть горюют высокородные девицы, а она, Лэа ун Лайт, считает себя наемным воином. И пусть наемников презирают по всему свету, поливая мерзостью при каждом удобном случае, но если вдруг случается что-то непредвиденное, то рыцари умывают руки. И к кому же бросаются власть имущие? Падают на колени перед рыцарскими орденами? Нет, они бегут к наемникам, вытряхивая золото из своих пухлых кошельков.

Как сейчас. В Далории назревал какой-то переворот, и далорскому разведчику ценой собственной жизни удалось раздобыть информацию, что главари заговора назначили встречу в деревне Модзжен, в которой их и настигла Лэа.

– Готово.

Хьял аккуратно обрезал нитку, завязанную на несколько крепких узлов.

– Ты уверена, что сможешь ехать?

– Уверена, – отрезала Лэа.

Она легко запрыгнула на свою вороную кобылу Кариби, ни разу не покачнувшись в седле.

– Если не делать привалов, мы доскачем до Виррокузии за два дня.

– Ты собираешься ехать галопом?!

Лэа смерила брата презрительным взглядом.

– В Виррокузии мы разделимся. Ты, как и собирался, отправишься в Анамилию за море.

– А ты?

– А я, как и всегда, буду заниматься наемничеством.

– Ты не устала от такой жизни? Мы с тобой всего месяц, как встретились. И ты опять хочешь разбежаться в разные стороны? – в голосе Хьяла прозвучала обида.

– Хьял... – мягко сказала Лэа. – Ты – ученый. Тебе опасно находиться со мной длительное время. Я ведь наемница, я убиваю людей за деньги. Ты можешь пострадать.

– Едем со мной! – горячо воскликнул брат. – Ты будешь жить со мной в Анимилии. Ты бросишь это дело...

– Хьял! – резко прервала его Лэа. – Не начинай опять. Мы говорили с тобой на эту тему множество раз...

– Тебе нравится убивать людей, да? – помолчав, сказал Хьял. – Поэтому ты так злишься.

Лэа молчала.

– Береги себя, – он обнял сестру. – Я надеюсь, мы скоро увидимся.

Глава II: Человек в волчьей маске

– Отпусти мою руку и отойди на шаг.

Человек в маске ухмыльнулся и лишь сильнее потянул руку четырнадцатилетней девушки на себя.

– Перестань. Злость тебе не идет.

– Отпусти... – голос девушки звучал беспомощно. – А иначе...

– Что? – человек в волчьей маске расхохотался. – У тебя нет родителей. Больше нет.

Твой брат сейчас далеко. До тебя он добраться не успеет.

– Я... что вам от меня надо? Я не сделала вам ничего дурного. Я просто помогаю в этой таверне. Отпустите меня, – без всякой надежды повторила девчонка.

За ее спиной пряталась маленькая, лет пяти, розовощекая черноволосая девочка, с такими же, как у Лэа, чертами лица.

– Да, ты не сделала мне ничего плохого, и даже наоборот, можешь принести мне массу удовольствия, Лэа ун Лайт.

Глаза Лэа расширились от ужаса. Она быстро выхватила узкий короткий нож из-за лифа платья и вонзила его в руку человека в волчьей маске.

Человек ужасно закричал и от неожиданности отпустил девчонку. Рукав на его руке мгновенно набух пунцовой кровью. Лэа подхватила сестренку на руки и метнулась к выходу. У самого порога она споткнулась, чуть не упав, и ухватилась за косяк, чтобы сохранить равновесие.

– Ах, ты, маленькая сучка!

Человек в волчьей маске быстро, насколько позволяла раненая рука, схватил лук и заложил в него стрелу с зазубренным наконечником. Такие стрелы являлись запрещенными. Их можно было вытащить, только проткнув раненого насквозь.

Из руки человека в маске лилась пурпурная кровь, обильно пропитывая рукав и густой струей стекая на пол. Рука человека дрогнула и стрела, подчинившись легкому дрожанию, изменила направление и вместо девушки угодила прямо в ребенка, прошив его насквозь.

– Таур! – крикнула Лэа, падая на колени. – Сестренка...

Глаза Таур широко распахнулись, из удивленно приоткрытого рта выплеснулась темная кровь.

– Нет, нет! – закричала Лэа, глядя, как маленькое тельце сестры оседает на пол, прямо в лужицу собственной крови.

Лэа крепко стиснула девочку в объятиях, с ужасом наблюдая, как тухнут ее изумленные от случившегося глаза.

– О, милостивая Эаллон, пожалуйста, сжался!..

Ее сознание отказывалось воспринять очевидный факт: девочка мертва. Стрела прошила ее насквозь, вонзившись под лопаткой и выйдя через легкое.

Человек выругался и пустил вторую стрелу, но пульсирующая в руке боль не давала как следует прицелиться, поэтому и вторая стрела пролетела мимо цели и угодила девчонке в лицо, разделив его на две половины, начиная бровью и заканчивая виском. Кровь мгновенно залила ей глаза. Еще не осознавая, что случилось, она прижала руки к лицу, залитому горячей влагой. На глаза ее упала рубиновая пелена.

Боль ворвалась в ее сознание огненными стрелами, резко и без предупреждения

запущенными с катапульты.

...когда девочка перестала шевелиться, он подошел и перевернул ее носком своего сапога. Лицо Лэа было похоже на разорванную кем-то пополам жуткую маску, пропитанную алой, еще бьющей фонтаном кровью. Стрела прошла переносицу насквозь, оставив на ее месте только лишь дробленую кость. Его проткнутая рука по сравнению с разорванным лицом девочки была ничем.

– Убери их, – приказал человек в волчьей маске забившемуся в угол и дрожащему трактирщику. – И протри пол, кровь имеет свойство быстро впитываться.

Человек внимательно смотрел на Лэа, стараясь запечатлеть в своей памяти это лицо. «Она запомнит меня, – подумал он. – Запомнит...».

– Нет!

Она наполовину выхватила меч из ножен, но успела окончательно проснуться.

– Это всего лишь сон, – сказала себе Лэа. И пообещала себе в миллионный раз: – Я найду тебя, Волк. Найду. Я сдеру с твоего лица маску и разорву твое лицо в клочья так, как ты это сделал со мной. Я отомщу тебе за смерть сестры и своих родителей. Я заставлю почувствовать тебя мою ненависть каждой клеточкой своего тела. Ты поймешь, что значит посвятить всю свою жизнь тому, чтобы исполнить священный ритуал мести.

Повторив как заклинание свою клятву, Лэа окончательно проснулась. Вокруг было темно. Ехать было еще рано, в такой темноте ее вороная кобыла Кариби переломает себе ноги. Она подкинула хвоста в умерший было костер, и, положив голову на колени и наблюдая за воскрешением пламени, привычным неосознанным движением провела по шраму – от виска к брови и обратно.

Ее подло использовали. Ей сказали, он будет там. Он будет находиться в той таверне, что стала могилой далорских заговорщиков. Лэа в ярости сжала кулаки. Ничего. Нельзя спешить и выдавать себя. Может, ей лучше будет соврать? Сказать, что она узнала его и убила? Вдруг это он подкинул ей ложную информацию? Если это так, то он потеряет бдительность и успокоится. И тогда, тогда ее месть настигнет его, и он получит по заслугам! Она не знала про него абсолютно ничего, но она его помнила. Ох, как же хорошо она его помнила!.. Она помнила его колючие зеленые глаза; его темные, частично скрытые под маской волосы, его прочную кожаную куртку и высокие ботинки с пряжками; его черного дерева лук и колчан из змеиной кожи, полный стрел с зазубренными наконечниками. Она помнила звериный оскал его бронзовой маски, его кожаные потертые перчатки. И, просыпаясь ночью в поту, она чувствовала каменную хватку его руки и слышала его издевательский тяжелый голос.

Лэа ненавидела луки и арбалеты. Она никогда не пользовалась ими – из принципа. А когда она видела у других наемников луки и стрелы, оснащенные зазубренными наконечниками, в душе у нее поднималась холодная ярость.

Лэа ун Лайт считала только Человека в Волчьей Маске виновным в том, что стала наемницей. Если бы в ту беззвездную ночь, когда она осталась ночевать в таверне, боясь в темноте идти домой, он не зашел, скрипнув почерневшей дверью в железной оковке, если бы он не обвел тяжелым взглядом полупустую таверну, если бы он не заплатил трактирщику за постой, если бы...

Она помнила и улыбающееся круглое личико своей любимой маленькой сестренки, ее звонкий смех, ее черные волосы... но вместе с тем она помнила приоткрытый рот Таир, из которого лилась кровь, ее слипшиеся и отливающие багрянцем в свете масляных ламп

волосы, быстро натекшую пурпурную лужу и зазубренный наконечник стрелы, торчащий из ее легкого...

Хватит!!!

Она сказала себе, что забудет тот вечер, тот свинцовый, плещущийся сталью взгляд, в котором она увязла, как в паутине.

Злость и боль, которые она напрасно выжигала в себе много лет, вернулись. Ей никто не помог.

Когда он огляделся, трактирщик успел сбежать. Он сам выволок ее за волосы, бросив у ворот. Ему было наплевать. Богиня Эаллон, в которую Лэа ныне не верила, уготовила для нее очень горькую судьбу. Какая жестокая издевка, что она стала наемницей также, как он...

Она не помнила тех дней, когда балансировала на хрупкой границе жизни, когда ее подобрал караван проезжающей мимо купеческой гильдии, когда ее лечили травами и чарами, когда ее оставили в Храме Эаллон на попечение жрицам.

Именно тогда, впервые глянув на бледное лицо, рассеченное красным, едва схватившимся рубцом, на искривленную переносицу, которую жрицы долго и старательно собирали по крупинке, Лэа решила мстить. Конечно же, слепая ярость не была ей помощницей. Жрицы едва успели срастить края ее раны, как Лэа собралась в путь. Она прекрасно осознавала в свои четырнадцать, что на месть уйдут многие годы, что нельзя бросаться в погоню имея за плечами лишь ярость. Лэа никогда раньше не держала в руках оружия и не умела сражаться. Но она знала, где этому ее смогут научить. Биться на мечах, выпускать стрелу в цель с закрытыми глазами... стрелы... нет. Только не стрелы, тем более не арбалетные болты. Она не хочет видеть, как они прошивают людей насквозь. Ее оружие будет честным – это меч. Она найдет себе лучший, выкованный в подземных горных кузнях хаарских гномов меч, выкованный в недрах горы Хаар и закаленный в подземном источнике. Меч, рассекающий перышко в воздухе и способный разрезать веревки, опутывающие человека, не задев его даже кончиком острия. Она знала, что такие есть. Такие мечи гномы не продавали. Такие мечи они хранили в своих подземных городах. Но она сможет раздобыть такой. Она отправится в Хаар и докажет свое право владеть таким мечом... но это будет нескоро. Пока ее цель – научиться владеть мечом так, чтобы от одного ее вида его бросило в жар и холод. Ей надо найти учителя. Жрицы не стали удерживать ее, понимая, что Лэа одержима местью. Она собиралась в лучшую школу воинского мастерства во всей Элатее – В Логу Анджа, крепость, возвышавшуюся на северо-западе Холодного Моря, на Безымянном острове.

Она отправилась в ближайший город на взморье, чтобы отплыть с первым же парусным быстроходным судном.

В Логе Анджа было четырнадцать масэтров и сотня учеников, среди которых девчонкой была она одна. Из ста учеников едва ли единицы в десятилетия получали заветную татуировку в виде скрещенных клинков, перевитых драконьим языком. Эта татуировка означала война сильного духом, сумевшего пройти школу Логи Анджа, показав себя достойным и не сломавшись. Такие воины были самыми сильными и искусными бойцами Элатеи.

Она одна пришла сюда, одержимая жаждой мести.

Она одна тренировалась дни и ночи напролет до полного изнеможения.

Она одна перешла с деревянного меча на стальной через месяц обучения.

Но когда она через год обучения вызвалась участвовать на турнире и победила учеников,

отдавших Логе Анджа по пять лет жизни, тогда на нее обратил свой взор лучший из масэтров Логи Анджа – масэтр Кэнд, прошедший всю свою жизнь в Логе Анджа и посвятивший ее выучке воинов. Масэтр Кэнд научил ее главному: терпению и хладнокровию.

– Встань! – его холодный голос вернул ее на землю. – Ты должна подавить свою ярость. Ты никогда не будешь хорошим воином, если будешь так реагировать на каждое брошенное вскользь слово. Я усложню задачу. Встань сюда.

Она легко вспрыгнула на деревянный столбик, высотой около фута.

– Но я могу стоять только на одной ноге, не говоря уже о том, чтобы сражаться!

– Ты думаешь, тебе в жизни будут встречаться только честные враги, бросающие к твоим ногам перчатку, и ждущие, пока ты не поднимешь выпавший из рук клинок? Нет. Они отсекут тебе пальцы и голову при малейшей попытке нагнуться, и толкнут тебя в пропасть, на краю которой ты будешь сражаться. Представь себя связанной по ногам. Храни равновесие и сражайся со мной.

Масэтр Кэнд тихо вынул рассмеявшуюся серебристым звоном сталь.

Лэа вытащила из ножен клинок и напрягла шестое чувство. Он обходил ее полукругом. Она уловила звук разрезаемого мечом воздуха и инстинктивно почувствовала, что он нападет справа.

«Он готовится к хайсу. Из хайса можно выйти только при помощи терции, ведь он обходит меня справа, значит, от моего ответного удара можно уклониться только влево, – быстро промелькнули в голове мысли».

Она мгновенно выхватила клинок, быстро поднырнула под его руку, рубанула мечом резко и вверх, уходя от возможного ответного удара. Ответный хайс – и он выронил клинок, так и не успев завершить терцию.

– Я победила вас! – ликующе воскликнула Лэа. – Я победила вас, масэтр Кэнд!

– Отлично! – масэтр улыбнулся, поднимая клинок. – Просто отлично, Лэа! Ты схватываешь все на лету!

Она спрыгнула со столбика.

– Теперь я могу снять повязку с глаз, учитель?

– Да, Лэа, теперь можешь...

Глава III: Хаар или как добыть меч

Лэа провела в Логе Анджа три года. Она научилась всему, что знал масэтр Кэнд. Она тренировалась до последнего вздоха, представляя на месте тренажеров его, человека в Волчьей Маске, убившего ее родителей, ее сестру и ее жизнь. Теперь Лэа не могла представить себе другую жизнь. Быть грузной, величаво-степенной женой какого-нибудь зажиточного крестьянина? Нет, это не для нее. Поэтому она доставала меч, снова и снова тренируясь на площадке, уворачиваясь от тяжелых ударов противников.

Три года.

Через три года она решила, что готова. Ярость в душе улеглась, сменившись холодной ненавистью. Хладнокровие и терпение, вот ее догматы, которым она свято следовала.

Ее ждал Хаар. Раскаленное жерло гномьей горы, скрывшее в своем чреве Меч, который она должна была добыть любыми средствами, даже если ради этого придется идти на жертвы. Что будет, если у нее не выйдет, она не думала. Лэа просто не допускала такой мысли. Она добудет себе гномий меч, даже если для этого придется заставить гору извергаться кровью всех, кто встанет у нее на пути.

Гора Хаар, выступающая наверх лишь незначительной своей частью, но, тем не менее, протыкающая своим пиком вспученные облака, простиралась под землей на тысячи километров, развороченная и разрытая гномами до самого своего основания. Лишь благодаря врожденной чуткости гномы знали, когда нужно остановиться, прекратить разламывать горные породы, чтобы избежать выброса магмы и природного катаклизма.

Ее никто не ждал. Она была незваной и нежеланной гостьей, решительно и без оглядки вступившей на первую ступень, вырубленную в скале и ведущую в Хаар. Она не вынимала оружия. Она не была врагом. Лэа хотела лишь одного – Меч. Она была не последним человеком, спустившимся до сотой ступени в Хаар. Но, возможно, будет первым, поднявшимся наверх с мечом. Ее шестое чувство говорило, что ей повезет. Везение – вот на что опирались все ее надежды.

Вторая ступень. Пересилив страх и нетерпение, она медленно стала спускаться вниз. На сотой ступени ее будет ждать страж. Она знала это. Но что дальше? Дальше сотой ступени не спускался никто. На ней обменивались товарами купцы, договаривались о сотрудничестве люди и гномы. Она не верила болтливым рассказам искателей приключений, которые твердили, что видели огромные подземные города. Чтобы гномы открыли первому встречному глупцу свои ревностно охраняемые тысячелетиями тайны? Нет. Она в это не верила. Она вообще мало во что верила. Она пришла сюда за мечом и уйдет только с мечом.

Лэа медленно спускалась вниз. На семьдесят пятой ступени она почувствовала присутствие гнома. Осталось немного.

До чего?

До того, как решится ее судьба.

– Зачем ты здесь, человек? – услышала она тягучий голос древнего подземного жителя.

Лэа видела в чадающем свете факела отблеск его вороненых доспехов, стальной блеск его боевой секиры и матовый шлем, отражающий свет факелов. Она была на пару голов выше гнома.

– Я пришла за мечом.

– Кто ты? – гном не спешил вести ее вниз.

– Когда-то меня звали Лэа ун Лайт, я была обычной девушкой из Асента, что на северо-западе от горы Хаар. Это было давно. Сейчас же я – мстительница. Мои слова не звучат пафосно? Я хочу мстить. И для этого мне нужен меч.

Гном молчал.

Мышление гномов было таким же медлительным, но таким же верным, как они сами.

– Ты первая женщина, спустившаяся до сотой ступени в Хаар. Ты первая, кто просит меч не для забав или блистательных побед, но почему ты решила, что мы тебе его дадим?

– Если вы не дадите мне лучший меч Хаара, мне останется только броситься с ее вершины.

Гном усмехнулся в свою черную бороду.

– А ты не промах. Либо лучший меч Хаара, либо смерть?

Лэа молчала.

– Знаешь ли ты, – продолжал гном, – что ни один человек не спускался вниз? Ни один еще человек не был в Хааре. Ни один человек не просил лучшего меча.

– Я не просто прошу его у вас, – сказала Лэа, становясь на одно колено. – Я хочу доказать свое право на владение им.

– Ты возомнила себе, что имеешь на это право? Знаешь ли ты, человек, что сотни королей сотни лет спускались сюда, заявляя свое право на меч?

– Они были лишь королями.

– Они были людьми. Все вы лишь люди, жадные до власти и золота. Вам никогда не получить наших сокровищ.

– Мне не нужны сокровища. Мне нужен меч, – повторила Лэа. – Я не уйду без меча. Я буду стоять здесь столько, сколько потребуется, чтобы заполучить его.

– Мы давно о тебе слышали, Лэа ун Лайт, воспитанница Логи Анджа. Мы знаем, кто ты, какова твоя цель, и кто он, этот человек в маске.

Слова гнома тяжелым грузом, толщей свинцовых вод легли на ее плечи, придавив к земле и окатив ледяным душем сознание.

– Как? – едва смогла вымолвить Лэа. – Если это так легко узнали гномы, значит, он ждет меня, и моя месть не будет для него неожиданной карой?!

Гном усмехнулся.

– Ты слишком нетерпелива по меркам гномов, Лэа ун Лайт. Я отведу тебя в Хаар. Наш король ждет тебя. Он знал, что рано или поздно ты явишься к нам за мечом, чтобы исполнить священный долг мести. Не думай, что ты отмечена дланью судьбы, если тебе довелось спуститься в Хаар. У нашего короля с человеком в маске личные счеты.

– Кто он? Вы знаете? – у Лэа перехватило дыхание.

– Всеу свое время, – неторопливо ответил гном. – Ты узнаешь, когда придет время. Но не сейчас.

Гном спускался вниз. Чем ниже, чем ближе к недрам земли, к сердцу горы Хаар, тем становилось жарче. Загорелая кожа Лэа покрылась блестящим липким потом. Она искоса смотрела на спокойно дышащего гнома, закованного в жарящие доспехи. Как же он еще не сварился в них, как устрица?

От подножья горы Хаар до ее сердцевины, от ее подножья до самого основания, на котором зиждился подземный город, вело пять тысяч ступеней. Эти ступени были своего

рода символом гномов. На каждой сотой стоял страж. Все кого они встречали, не удивлялись, видя так глубоко под горой человека. Она чувствовала их мысли: Лэа ун Лайт пришла за мечом.

Вот и последняя ступень. Она споткнулась, ожидая увидеть все уходящую вниз лестницу, но вместо этого перед ней открылся город. Ох, как же он не был похож на мощные, в слепом беспорядке заставленные домами, города людей. Насколько была видна даль, освещенная неяркими светлячками факелов, настолько были видны уходящие в бесконечность вырубленные в скале колонны, держащие на своих плечах Хаар.

Они шли мимо низких, срубленных из камня, приземистых гномьих домиков, похожих на медленно ползущих гигантских черепах. Сейчас в городе хаарских гномов была ночь, и улицы были пусты. Повсюду были камень и скала, улицы были присыпаны мелко дробленой рудой, хрустевшей под ногами.

Они остановились.

– Дальше тебе хода нет. Мы у порога в самом сердце Хаара. Он ждет тебя.

Лэа напрягла зрение и увидела впереди себя сидящего на вырубленном в камне троне гнома. Он был просто гигантским по меркам подземного народа, на полголовы выше Лэа, закованный в серебряные доспехи. Здесь, где самоцветы были повсюду, они не имели никакой ценности, поэтому простота серебра смотрелась очень дорого.

Лэа встала на одно колено, склонившись перед гномьим королем. Она опустила голову, неприятно ощутив свою тонкую обнаженную шею, которую так просто и легко перерубить гномьей секирой.

– Приветствую вас, Ваше Величество, – сказала Лэа.

– Встань.

Голос гнома не звучал враждебно, и это немного подбадривало. Лэа встала. Она чувствовала всей кожей тяжесть своего висящего за спиной тренировочного меча, но от гномов не исходило никакой угрозы, и она позволила себе немного расслабиться.

– Ты пришла за ним?

Король достал из своих ножен меч, рассмеявшийся звоном хрусталя. Он был длиной чуть больше метра с ощерившейся изысканными шипами гардой и крестовиной, сплошь покрытой затейливыми узорами. Но все великолепие совершенной рукояти меркло по сравнению с лезвием меча.

Тщательно сваренная сталь, покрытая серебряной вязью, бриллиантово блестевшей в свете факелов, у самого основания угрожающе изгибалась загнутыми зубьями.

Тонко прорисованный узор складывался в одну целостную, но ускользящую картину, прописанную мастером с той небывалой кропотливостью и старательностью, смешанной с гордостью своей работой и воодушевлением, что редко встречается в наши дни...

Она видела, как срастался воздух, разрезаемый при малейшем движении меча на упругие кусочки. И она была уверена, что меч не встретит ни малейшего сопротивления, даже если ей придется разрезать не пух, а чью-то шею. Казалось, лезвие быстро перетекает из одного состояния в другое, как ртуть.

– Да.

– Мы предоставим тебе выбор.

– Какой?

– Тот, кого ты ищешь, сейчас находится в порту всего лишь в трех часах скачки отсюда. В том самом порту, через который ты прибыла сюда. Он видел тебя, но едва ли

узнал.

Руки Лэа сжались в кулаки.

– Так близко?

– О, да. Ты можешь сейчас развернуться и поскакать в порт. Ты успеешь его настигнуть, прежде чем он сядет на корабль, идущий в Соллос, но вот победить?.. Или ты можешь остаться здесь на два года. Жить в Хааре, не выходя наружу два года. Служить нам верой и правдой, забыть о своей мести и о том, что Соллос за полмира отсюда... тогда ты, быть может, получишь этот меч.

Гномы испытывали выдержку Лэа, трезвость ее ума и холодность мышления, ее сдержанность и терпение, глубину ее ненависти к Человеку в Волчьей Маске.

Лэа глубоко вдохнула.

– Я дала слово. Я не уйду отсюда без меча, даже если Волк ждет меня у подножья Хаара.

Король улыбнулся.

– Да будет так.

Глава IV: Карта или возвращение в мир

Светало. Серая пелена неба так равномерно цедила солнечный свет, что не знающему человеку угадать восток было невозможно. Лэа залила весело трещащий костерок остатками воды из котелка и, собрав свои малочисленные вещи, отправилась в путь.

Инстинктивно она сжимала рукоятку висящего на перевязи меча. Меча, который ей так дорого достался.

Лэа прожила под землей два года. Она не выходила на солнце, и единственным источником света для нее были чадающие факелы, ведь гномы прекрасно чувствовали себя в темноте. Она научилась ориентироваться в подземном царстве в абсолютном мраке, ее глаза стали светиться и, всякий раз, когда ее окружала тьма, в глазах загорались искры, и ночь превращалась в сумрак. Да, гномы сдержали свое обещание, она пробыла под землей два года и, выйдя на поверхность, потеряла всякий след Волка. Она объездила полмира, но так и не нашла его. А теперь, вернувшись в Далорию, Лэа первым делом отправилась в Виррокузию, где ее и нанял король Тирнау, вскользь заметив, что среди заговорщиков будет Человек в Волчьей маске.

Ох, не зря она не хотела браться за это дело, будто чувствовала, что король нагло лжет, ему необходима не подводящая рука, которая, не задумываясь, расправится с заговорщиками. Это была жестокая, подлая ложь!

Лэа глубоко вдохнула несколько раз. В Логе Анджа ее научили сдерживать свои эмоции с помощью серии особых вдохов и выдохов, носящих названия ки-ар. Почувствовав, как отхлынула ярость, Лэа опять погрузилась в воспоминания.

Вдали показались каменные башни замка короля Тирнау. Виррокузия была совсем близко. На следующий день они войдут в городские ворота.

– Хьял?

Он поднял голову.

– Да?

– Послезавтра ты отправишься в Анимилию. Я останусь. Тирнау должен заплатить мне за работу.

Хьял кивнул.

– Но есть кое-что еще, что мне делать бы ужасно не хотелось.

– А именно? – Хьял наклонил голову, слушая Лэа.

Она редко говорила, больше предпочитала молчать.

– Аэвим, королева Далории, пригласила меня на прием по случаю помолвки ее дочери. Он состоится завтра вечером. Она сказала, что это самая ближайшая возможность получить мою плату, потому что король будет в Виррокузии всего один вечер, после этого он отправится в Асент.

– Почему Аэвим не может заплатить тебе сама?

– Приказ. Тирнау хотел лично прочитать письмо старейшины. Скорее всего, там какой-то шифр. Так что завтра вечером я зайду на несколько минут на прием и заберу деньги. А послезавтра утром ты отплываешь на корабле, идущем в Анимилию.

– Ты вот так вот просто хочешь заявиться на бал по случаю помолвки принцессы с мечом за спиной, в сапогах и куртке? – усмехнулся Хьял.

Лэа фыркнула.

– Да. А ты предлагаешь что-то другое?

– Почему бы тебе не надеть платье, туфли, и от души не повеселиться? Сдается мне, ты этого не делала ни разу, с тех пор, как он убил наших родителей.

Лэа промолчала. А ведь и правда, когда она последний раз отдыхала? Она уже семь лет, как натянутая пружина, как гудящая, готовая к спуску стрела.

– Нет, Хьял.

– Ты не хочешь или боишься? Боишься выглядеть глупо?

– Не надо копаться в моих чувствах, – раздраженно сказала Лэа. – Я – наемница, а не какая-нибудь глупая высокородная девица, отпускающая слабоумные шуточки.

Хьял пожал плечами.

– Отдых никому не помешает. Лично я – пойду на этот прием, – с чувством сказал Хьял.

– Но ты туда не приглашен, – с таким же чувством ответила ему Лэа, но, увидев, что ее брат расстроился, великодушно добавила: – Ладно, я подумаю.

Хьял радостно улыбнулся.

– Я выберу тебе наряд!

Глава V: Знакомьтесь, Райт рент Крайген

– Нет, нет и еще раз нет!

– Ну, будет тебе, Лэа, успокойся! Тебе это платье очень даже идет.

– Я не хочу появляться в таком глупом наряде на виду у всего королевства.

Они находилось в одной из городских таверн, увлеченные спором друг с другом. На какую-то секунду Лэа вдруг остро ощутила, как ей не хватает в жизни чего-то такого простого, как эти споры и наряды, прогулки и улыбки...

Хьял купил для нее узкое темно-синее платье из атласа, разрисованное черными узорами. Оно сливалось с сине-черными волосами Лэа, впервые в жизни небрежно убранными под шляпу, а тщательно расчесанными и аккуратно завитыми. Хьял где-то раздобыл для нее ожерелье из темных сапфиров и черные туфли.

Лэа зло и рассержено смотрела на свое отражение. Нет, ну самая, что ни на есть, благородная глупая девица!

– Нет.

Лэа начала стягивать платье. Хьял поймал сползающий с плеч атлас.

– Сделай это для меня. Хоть один раз в жизни.

Да, эти слова ударили сильно, весьма отличаясь от всех предыдущих воплей и угроз, принуждающих ее идти в этом нелепом наряде.

И Лэа начала понемногу сдаваться.

– Я надену под низ свою одежду.

– Это будет глупо. Платье начнет топорщиться.

– Тогда возьму с собой.

– Это плохая идея.

– Но меч я возьму.

– И куда ты его денешь?

– Закреплю на спине, где же еще? – удивилась Лэа.

Хьял возвел глаза к небу.

– Ты неисправима.

Лэа быстро накинула сверху кожаную перевязь с мечом.

В зале, освещенном тысячами свечей, стало тихо, когда туда вошла совсем молодая на вид девчонка, не старше восемнадцати лет.

На самом деле ей было двадцать один.

Она шла по залу с гибкой грацией, мягкими пружинистыми шагами, двигалась так, будто на нее вот-вот нападут. Темно-синее платье облегло кошачью фигуру, обсидиановые глаза горели темным огнем, белый шрам разделял лицо на две половины, непрестанно двигаясь при ее улыбках. За спиной у Лэа висел гномий меч. Она шла легко и непринужденно, раздавая всем улыбки, но, не забывая оббегать настороженным взглядом присутствующих, отмечая неестественные складки на одежде, под которыми могло быть спрятано оружие.

Легкое открытое платье и подобранные наверх волосы открывали скрытую всегда от посторонних глаз синюю татуировку на левом плече, изображающую скрещенные клинки, перевитые раздвоенным драконьим языком – герб Логи Анджа. Все, кто видели эту

татуировку, с восхищенным и почти благоговейным трепетом начинали шептаться. Многие воины пытались подделать эту татуировку, чтобы придать себе большее значение и мастерство, чем на самом деле, но первородные руны, которыми были испещрены лезвия вытатуированных мечей, не поддавались подделке, ибо в своей первозданной сущности были известны только масэтрам Логи Анджа.

– Я заберу деньги и уйду, – сквозь зубы процедила идущему рядом брату Лэа.

– Не смей. Не показывай им своих слабостей. Говоря на твоём языке: они бросили тебе вызов, отказаться будет трусостью.

Лэа вздохнула.

– Но танцевать не буду. Даже не думай.

– Не смею, – улыбнулся Хьял.

Она развернулась на каблуках и пошла прямо к королю Тирнау. Рядом с ним стоял мужчина, с головы до ног увешанный оружием. Лица его Лэа не видела, но осанка выдавала в нём воина, не раз бывавшего в переделках. В отличие от остальных он был одет в обычную одежду, и Лэа пожалела о том, что поддалась уговорам брата.

– Ваше Величество? – Лэа присела в реверансе. Хотя она и не подчинялась ни одному из земных правителей, злеть человека, который предоставил ей работу, явно не стоило.

Король улыбнулся.

– Так быстро? Право, я рад, что доверил это дело тебе. Ты нашла там то, что искала?

Лэа кивнула, стиснув зубы.

– Старейшина деревни передал вам письмо. – Она протянула ему аккуратно свернутый лист пергамента.

Тирнау развернул свиток и быстро пробежал по нему глазами.

– Отлично.

Он передал ей увесистый мешочек.

– Я покину вас, дорогие гости. Меня ждут более важные дела.

Король ушел, и Лэа осталась вдвоем с воином. Она поправила сползающую с гладкого атласа перевязь.

– Ты та, о ком я подумал или нет?

Лэа окинула воина равнодушным взглядом. Ничего примечательного. Он мало чем отличался от всех, прежде встреченных ею воинов. Правда, внешность его была весьма привлекательной, а сапфировые глаза могли сравниться цветом с самыми лучшими самоцветами Хаара. Лэа усомнилась, что в нём течет чисто человеческая кровь. Скорее всего, не обошлось без весьма солидной примеси эльфьей. Улыбка была весьма располагающей к себе, но Лэа как раз и не любила таких людей, которым хотелось доверять после первой же улыбки.

– Не знаю.

– Ты Лэа ун Лайт?

– Два часа назад была ею.

– А сейчас?

– А сейчас – не знаю.

– Столь разительная перемена?

– Ещё бы.

Лэа провела рукой по гладкой ткани платья.

– Я – Райт рент Крайген.

Он с небрежным изяществом оперся о мраморную статую. На темных волосах блеснули отсветы огня, на мгновение превратив их в вихри агатов.

– Я представлял тебя другой.

– Зачем ты меня вообще представлял? Откуда ты меня знаешь? – в душу девушки начинало закрадываться подозрение.

– Скажем так, я кое-что слышал о тебе от одного знакомого...

– Какого знакомого? – Лэа не хотела разговаривать и начинала терять терпение.

– Не знал, что выпускники Логи Анджа любят носить платья, – усмехнулся Райт.

– Ну, уж нет! – его слова привели Лэа в ярость. Лицо ее побелело, почти сравнявшись со шрамом. – Не знаю, кто ты таков, но я, Лэа ун Лайт, даю слово, что если ты еще раз позволишь себе необдуманно выразиться в мой адрес, я заткну тебе глотку твоим же языком!

Он поднял брови.

– Больше похоже на истину. На ту Лэа, о которой мне рассказывали, что она два года прожила в Хааре.

Она развернулась, собираясь уйти от этого непонятно что пытающегося добиться человека. Он успел поймать ее за руку. Хватка была крепкой. Вырваться так, чтобы атласное платье не разошлось по швам, было невозможно.

– Ты ведь соврала ему. Королю. Его там не было.

– Что тебе нужно? – прошипела она.

– Я хочу тебе помочь.

– Я сама со всем разберусь!!!

– И как, получается? Легкая такая задача, не пыльная?

Лэа резко замерла. Казалось, что на нее вылили ведро холодной воды, лицо ее помертвело, губы плотно сжались.

– Я не знаю, где он сейчас, – продолжил Райт. – Но могу помочь тебе отыскать его, если разрешишь составить тебе компанию.

Он ослабил хватку, и Лэа вырвала руку.

– Мне не нужна ничья помощь.

– Но ведь это глупо! Ты не найдешь его одна. Мир Элатеи огромен. Я хочу помочь.

Она молчала.

– Ты можешь подумать. Я буду ждать тебя завтра вечером в таверне «Виррокузский сад».

А сейчас... не хочешь ли ты потанцевать?

– Нет, – резко ответила Лэа. – Я не танцую.

– Конечно, – Райт улыбнулся так, будто только этих слов он и ждал.

И она убежала, легко лавируя между танцующими парами, лишь серебряная рукоять меча сверкнула напоследок ярким огнем.

– Ты неважно выглядишь, – заметил Хьял, когда поздним вечером они возвращались в таверну. – Это торжество утомило тебя?

Лэа весь остаток вечера потратила на поиски Хьяла и усиленные попытки держаться от Райта подальше.

– Нет, все в порядке. Завтра ты отплываешь...

– Я помню, – раздраженно ответил Хьял. – Тебе так не терпится от меня избавиться?

– Прости... – тихо ответила Лэа.

Она вдруг загрустила. Ее месть теряет свой священный характер, который она имела

семь лет назад и превращается в отчаянные попытки загнать в угол ветер. Райт предложил ей реальную помощь, прося взамен только возможность быть ее спутником. Что же в этом плохого? Она не умеет вести себя с людьми. Но ведь Райт – воин. Им не будет скучно. А вместе они смогут... что?

Лэа раздраженно пнула камень. Для начала пусть докажет завтра, что достоин путешествовать вместе с ней, что не будет обузой на ее шее, а потом она подумает.

– Райт...

– Что? – удивленно перепросил Хьял.

– Прости... Хьял. Я хотела сказать... – Лэа покраснела. И тут же разозлилась на саму себя из-за того, что размякла на этом балу. – Я найду тебя, когда отомщу. Даю слово.

– Я знаю, сестренка. – Он обнял ее покрепче, вдохнув дурманящий аромат цветущих лилий. – Я знаю...

Лэа зашла в обычную на первый взгляд таверну, отметив про себя в который раз, как же они все схожи и различны между собой. Цветные, черно-белые, резные вывески; дубовые, тисовые, ореховые столы; покрытые клеенкой, льняной или холщовой выбеленной, выкрашенной скатертью стойки, выскобленные до чистоты, а может и заросшие слоем жира и грязи... в такие таверны она предпочитала не заходить.

В трактире ароматно пахло жареным истекающим соком мясом, молоком, луком и много еще чем. Закрепленные под потолком чисто протертые масляные лампы позволяли разглядеть аккуратно расставленные столы с лавками, в центре же зала двое мужчин увлеченно пытались свернуть один другому шею. Вокруг них собрались болельщики, азартно орущие и подбадривающие дерущихся. Из их выкриков Лэа поняла, что драка была поставлена ради зрелища и возможности заработать на этом. Она подошла ближе, осматривая зал в поисках Райта.

– Я победил! – задиристо и гордо воскликнул один из дерущихся. – Я выиграл! Есть еще желающие? Кто смелый? Я положил уже четверых!..

Он обернулся, и Лэа увидела его лицо.

Райт.

В его темно-синих, как хаарские сапфиры, глазах сверкал азарт. От него исходил адреналин, только что полученный в драке. Темные волосы были мокрыми от выступившего пота.

Если бы всех людей в мире можно было разделить на несколько категорий: некрасивые, невыразительные, симпатичные, привлекательные, красивые, очень красивые...то Райт рент Крайген был бы отнесен к разряду потрясающе красивых.

Эту мысль Лэа тоже списала на эльфью кровь.

Когда он заметил ее, то лишь слегка улыбнулся уголком губ.

– Больше нет желающих сразиться со мной?

Вот он, ее шанс.

– Есть.

Лэа спокойно и даже как-то равнодушно подошла к нему.

– На мечях, – сказала она, доставая из ножен хаарский клинок.

Сталь тихо рассмеялась, засияв в свете масляных ламп как расплавленное серебро.

Райт приподнял темные брови в легком удивлении, но принял ее правила игры. Кто-то из окружающих людей протянул Райту его меч.

– Ты устроила это представление, чтобы проверить мои способности?

Теперь настала очередь Лэа приподнять брови в удивлении.

Райт усмехнулся.

– Да, я не был в Логе Анджа, но не думаю, что мое мастерство много хуже твоего.

– Докажи.

Он не спеша вытянул клинок из ножен и пошел кругом, надеясь зайти со спины. Она медленно поворачивалась, не упуская из вида его меч.

Было страшно. Мастэры Логи Анджа сидели на высокой кафедре, их лица находились в тени.

– *За чем должен следить кадет в бою?*

– *За оружием, не за рукой. Противник может одинаково хорошо владеть обеими руками.*

– *Самой удобной фигурой при уклоне во вторую квинту...*

– *Является хайс.*

– *Кадет должен отвечать полными фразами.*

– *Самой удобной фигурой при уклоне во вторую квинту является хайс.*

– *Отлично, кадет. Какие еще фигуры боя узнаете?*

– *Рента – уклон в четвертую квинту, меч ребром находится в верхней третьей сексте. Терция – выпад в первую сексту, меч в колющей позиции, клинок развернут вполборота. Кварта – прыжок в воздух с разворотом бедер, меч в точке соединения центральной сексты и квинты....*

– *Достаточно, кадет. Идите на место.*

Райт напал с правой стороны, метя мечом в шестую сексту. Она быстро поймала его клинок своим, направляя вверх. Меч по инерции пошел дугой по направлению ко второй квинте. Райт вывернулся рентой и поймал ее метящий в горло клинок.

Воздух звенел ударами стали. Окружающие люди орали, активно болея.

Выпад. Уклон. Защита спины. Поворот. Шаг назад. Прыжок.

Лэа завертела мечом, находясь в прыжке, рассчитывая обезоружить его рукояткой в центральной точке сексты.

Она наступала, а Райт все больше переходил к защите. Лэа оттесняла его в угол, он думал, что она хочет прижать его.

Резкая неожиданная терция и Райт выронил меч, споткнувшись и упав.

– *Daan Varrikein!* – выругался он, пытаясь встать.

Она протянула ему руку.

– Ты хорошо сражаешься.

Райт улыбнулся краем рта.

– Не пытайся спасти мое самолюбие. Я хороший воин, но не один из лучших.

Он стянул рубашку через голову и бросил ее трактирщику.

– Принесите мне чистую.

Лэа стояла, скрестив на груди руки и прислонившись к стене. Ее обсидиановые глаза ярко сверкали в полумраке стены, под которой она стояла.

– Откуда ты узнал обо мне?

Райт покачал головой.

– Завтра поговорим. Когда покинем Виррокузию. Ты же не собираешься сидеть здесь вечно?

– Нет. Но вдруг ты обманщик?

Он усмехнулся. Его темно-синие бархатные глаза хитро сверкнули.

– А вдруг ты обманщица? Вдруг, ты узнаешь все, что тебе нужно, и сбежишь, не попрощавшись?

Лэа улыбнулась краем рта.

– У тебя есть одна минута, чтобы убедить меня. Потом я уйду.

Она увидела, как в глазах Райта промелькнула целая гамма чувств: злость, досада, недоверие, сожаление, сомнение, восхищение...

– Я работал с ним. С Джером. Я могу много рассказать о нем. Мы путешествовали вместе, два наемника, которых свела судьба.

– ЧТО?

Глаза Лэа расширились, она резко дернула хаарский клинок из ножен.

– Тихо.

Райт успокаивающе поднял руки.

– Объяснись, – зло прошипела Лэа, приставляя клинок к его горлу.

– Пять лет назад я повстречался с ним. Не знал кто он. Мы разговорились за кружкой гномьего пива и решили путешествовать вместе. Вместе братья за задания, вместе выполнять их. Единственной его странностью было то, что на все задания он выходил в маске оскалившегося волка, – Райт замолчал, испытующе глядя на Лэа.

– Продолжай, – ледяным голосом приказала она.

– Нет, Лэа. Остальное ты узнаешь потом. Если мы поедем вместе.

Она зло поджала губы, готовая разнести все вокруг за малейшую крупицу информации, а потом резко бросила:

– Отлично, – ее руки яростно вложили меч в ножны. – Жду тебя на рассвете у северо-западных ворот. Мы отправимся верхом, так что раздобудь себе лошадь, если ее нет.

Он кивнул.

Лэа пронзала Райта острым ненавистным взглядом.

– Зачем тебе это надо? Зачем ты отправляешься со мной на его поиски? Личные счеты?

Он молчал, закусив губу. Темно-синий веселый взгляд померк, сделался совсем тусклым.

– Да. Будем считать, что это так.

Она помолчала.

– Мне пора.

Затем резко развернулась на каблуках и быстро вышла, оставив в таверне одинокого Райта.

Глава VI: Анаре Хаэл или секрет Райта

Рассветное золото облило каменные сторожевые башни Виррокузии вишневым заревом. Солнце неспешно и будто нехотя выглядывало из-за горизонта. Его свет окружил пурпуром медленно открывающиеся, будто закаменевшие от времени, ворота, из которых шагом выехали двое всадников. К седлам их лошадей были приторочены дорожные мешки, небольшие размеры которых выдавали во всадниках не путешественников, а воинов. Поднявшись еще чуть выше, солнце хорошо осветило их лица.

Первым всадником была юная девушка с каменным лицом, одетая в светлую льняную рубашку, черный тугий корсет, и обутая в высокие зашнурованные сапоги. Сидела она в седле вовсе не по дамски, что можно было бы ожидать от девицы, выехавшей на прогулку. Она сидела по-мужски, твердо упершись ногами в стремяна и небрежно держа вожжи прекрасно обученной вороной кобылы, слушающейся малейшего движения хозяйки.

Еще чуть выше – и солнце высветило на ее лице длинный старый шрам, пересекающий скулу и делящий лицо на две части. Она не обращала внимания ни на что и, вообще, казалось, что она очень глубоко ушла в себя, предавшись каким-то очень интересным и тревожным мыслям.

Вторым всадником был хорошо сложенный темноволосый мужчина с яркими синими глазами. Он постоянно крутился на своем коне вокруг всадницы и что-то очень живо рассказывал ей, не замечая того, что она едва слушает, полностью уйдя в свои мысли. Со стороны могло показаться, что он навязывает свою компанию девушке, но на самом деле в душе она была очень рада, что, наконец-то, путешествует не одна.

– Я по-прежнему не уверен в том, что это хорошая идея.

– Ты не смог предложить ничего лучше, – уже в который раз с легким раздражением повторила Лэа.

– Я слышал, что аурумские друиды весьма злобные существа. Звездочеты Анимилии гораздо приятнее в общении.

– И гораздо дороже в обращении. Нет. Я уже говорила: Анимилия – слишком далеко. Сейчас середина Иджиная. Путешествие в Анимилию займет больше месяца. Это слишком долго. Я хочу найти его до этой зимы.

– Роща Сиан Кром эит Мейблус заповедное место. Они не пустят нас.

– В рощу заходить не обязательно. Вызовем их иезекииля.

– Плохая идея. Это мероприятие может закончиться плохо.

– Если подумать здраво, охота за Человеком в Волчьей Маске с самого начала была опасной затеей, грозящей полным провалом...

Она пустила Кариби рысью, не желая продолжать разговор.

Через пару часов солнце успело подняться достаточно высоко и начало припекать. Лэа стало жарко. Справа от нее виднелись исполинские вершины Замизэйских гор. Перед ней расстилалось большое озеро с гладкой поверхностью василькового цвета, живо напомнившее ей хаарские сапфиры и глаза Райта. Над озером летал белый легкий пух, чуть касавшийся поверхности воды и склонившихся над ней ив.

Лэа ударила лошадь пятками в бока, и та припустилась галопом. У самой кромки вода дрожала рябью, чуть движимая легким ветерком, и накатывалась на кромку золотистого песка. Лэа быстро влетела в озеро, на ходу ласточкой выпрыгнув из седла. Во все стороны

каплями расплавленного серебра от нее полетела вода.

Лэа вынырнула, фыркая, и поплыла к берегу.

Райт не спеша подъехал к кромке воды, спрыгнул со своего недавно приобретенного коня – Лотоса – и сел на берегу, примяв зеленую весело топорщившуюся траву.

Лэа вышла из воды и растянулась на траве.

– Люблю это озеро... хоть и редко здесь бываю.

Райт вытянулся рядом.

– Это действительно хорошее озеро. Знаешь почему?

Он повернул голову, улыбаясь своими яркими васильковыми глазами.

Лэа отрицательно покачала головой.

– Существует легенда, что озеро было создано волшебницами, еще до того, как они отделились. Ариадна и Аэлина, две легендарные магессы, создали это озеро для того, чтобы отдохнуть здесь. Они сотворили над ним ауру, умиротворяющую и очищающую, позволяющую расслабиться. Не размениваясь по мелочам, магессы телепортировали воду из эльфьих водоемов вместе с живностью и окружающим ландшафтом. А потом, как всем известно, по одной из версий, почти две тысячи лет назад, волшебницы все разом исчезли. Говорят, они телепортировались в другое место, где им были более рады. По другой версии, магессы изгнали из этого мира короли. Но я предпочитаю красивую легенду о том, что магессы уединились где-то в северном океане, выжидая своего времени.

Лэа перевернулась на живот, подставляя солнцу спину.

– Я не верю в такие легенды. Не верю в то, что в нашем мире когда-то существовали маги. Но аура у этого озера действительно необычная.

– Дело твое. Но, может, мы все-таки не отправимся к друидам?

– Отправимся. – Она немного помолчала. – Райт... ты обещал мне рассказать про него.

– Да, – он поднял васильковый взгляд к небу.

– Как его имя?

Райт помедлил.

– Я не знаю. Не знаю, назвал ли он свое настоящее имя, но при встрече он назвался Джером.

– И все?

– И все. Однажды от одного богатого купца мы получили задание найти его товар, украденный разбойниками и увезенный в Асент. Мы взялись за это дело с охотой, так как купец обещал нам немалую плату. В Асенте мы быстро разыскали бандитов, подкупив городскую стражу. Они указали на пещеру в приморских скалах, и мы отправились туда на закате, рассчитывая застать их всех на месте... их было восемь. По четыре на человека...

Райт замолчал, закусив губу. Лэа не торопила. Она знала по себе, что застарелые, причиняющие боль истории, даются рассказчику с великим трудом.

– Когда мы туда зашли, Джер по-братски поздоровался с бандитами. Я был немного шокирован, но идти против него не стал. Он сел в круг их костра, пил с ними пиво. Я пристроился рядом, не особо прислушиваясь к разговору. Меня больше интересовало, когда же перестанем прикидываться друзьями и перережем им глотки. Джер не спеша допил свое пиво, поблагодарил за гостеприимство, и, кажется, даже извинился. А потом достал кинжал, и мы их всех убили. Это было не очень сложно, они даже на ногах стоять не могли, так упились... а затем... затем мы начали обыскивать пещеру, и нашли двух связанных людей. Это были мужчина и женщина, лет тридцати. Во рту у них были кляпы, и говорить они не

могли. Я предложил Джеру выпустить их, но тот лишь покачал головой. На губах его расплылась торжествующая улыбка, и он пробормотал что-то вроде «какая удача...», и убил их. Я так и не понял, что он имел в виду, за них нам все равно не заплатили. Но весь оставшийся день Джер пребывал в хорошем расположении духа, а под вечер мы с ним попрощались. Я знал, что больше никогда не вернусь к нему. не люблю наемников, которые убивают простых людей. Так и закончилось наше с ним знакомство... – закончил Райт.

Лицо Лэа было бледным, как смерть. Его исказила ярость и боль.

– Как давно это было?

– Семь лет назад.

Райту показалось, что она вот-вот упадет, выронив меч, но это было не так. Сумев пересилить себя, она убрала меч в ножны и села.

– Семь лет назад тела моих родителей нашли в пещере у прибрежных скал. А точнее, нашли два изъеденных животными трупы, которых и посчитали моими родителями. На шее у папы всегда был медальон с маминым локоном. По нему их и узнали, хотя медальон был раскрыт и вдавлен в грудную клетку.

Она спрятала лицо в руки. Воспоминания опять нахлынули кровавым прибоем.

Скрип. Дверь. Шаги. Взгляд.

Она не могла отвести от него очей. От тяжелой походки, от яда зеленых глаз, от окованных стальными шипами нарукавников. Он позванивал сталью при каждом шаге.

– Как только он вошел, у меня появилось плохое предчувствие. При каждом шаге я ощущала его взгляд. Взгляд этот был не таким, которые бросают на тебя молодые улыбочивые люди. Взгляд его был как липкая паутина, оплетающая тебя, сковывающая движения и лишаящая способности дышать. Он сел в тень самого дальнего столика. Маска закрывала верхнюю половину лица, но его глаза заставляли поверить, что перед тобой действительно дикий зверь. Я боялась подходить к нему. Видела, что он не сводил с меня глаз. Видела, что его губы кривятся в усмешке, что он нетерпеливо барабанит пальцами по столу. Мне пришлось пересилить свой страх. Пришлось принести ему все, что он просил. Пришлось пытаться отрешиться от этого взгляда весь вечер... – ее голос был тихим и прерывающимся – ...когда стемнело, таверна опустела, но он еще был там. Я собиралась идти домой, с нетерпением ждала отца, боялась идти одна, но так и не дождалась. Поднялась наверх. Спросила у хозяина таверны разрешения заночевать, получила согласие... запирая тяжелую дверь пустой таверны на засов, остро ощутила его присутствие. До этого думала, что он ушел, но нет. Он схватил меня за руку, ухмыляясь, потянул к себе.

Лэа непроизвольно потерла занывший вдруг щрам.

– Папин кинжал мне не помог. Его стрелы были просто убийными, с зазубренными наконечниками. Моя сестра... – голос Лэа сорвался, и она отвернулась. – Он убил ее, проткнул насквозь своей бронебойной стрелой... Последнее, что я помню до того, как выйти из беспамятства в храме Эаллон, это маленькое бледное лицо Таир с широко раскрытыми глазами и льющейся изо рта багровой кровью и глухой тяжелой удар стрелы об переносицу... Я чудом осталась жива. И я буду ему мстить.

Лэа резко встала. Рубашка на ней высохла. Было жарко.

– Хватит. Той глупой четырнадцатилетней девчонки уже нет. Я сказала, почему ищу его, Райт рент Крайген. Твой черед.

Она уперла руки в бока, глаза ее грозно сверкали. Рубашка упала с левого плеча, обнажив два вытатуированных скрещенных клинка, обвитых драконьим языком.

Райт скользнул взглядом по обнаженному плечу и руке. Лэа раздраженно подпернула рубашку вверх, прикрывая татуировку.

– Откровенность за откровенность, – Райт тоже встал с травы. – Я ищу его вовсе не из чувства мести, нет, за это не беспокойся, он твой. Просто у него осталось кое-что мое. И я хочу это забрать.

Лэа оценивающе смотрела на Райта, пытаюсь определить, лжет он или говорит правду. Впрочем, какая разница? Рано или поздно она узнает.

Лэа стянула волосы на лбу синей лентой, чтобы пот не заливал глаза при верховой езде, и вскочила на Кариби.

– Мы должны до заката увидеть башни Руин, означающие конец далорских земель и начало аурумской территории.

– Придется скакать быстро.

– Неважно. Мы должны заночевать там.

– Эти Руины когда-то были дворцом магесс. Анаре Хаэл...

– ... который они разрушили, чтобы погребенные под ним секреты не достались людям. Я знаю. – Нетерпеливо закончила Лэа. – Люди перекопали там все, но так и не нашли никаких секретов.

Райт пожал плечами и улыбнулся своими васильковыми глазами.

– Кто знает. Может быть, люди искали не так и не там. Может быть, эти секреты спрятаны при помощи магии?..

– Я уже говорила, что не верю в такие легенды, Райт. Не надо меня убеждать. Лучше сосредоточиться на том, чтобы поскорее попасть в Сиан Кром эит Мейблус и вызвать иезекииля.

– Надеюсь, что так оно и будет, Лэа. Надеюсь...

Догорал закат, когда копыта Кариби застучали по каменной дороге, идущей к замку Анаре Хаэл.

Дворец окружала разбитая пожелтевшая стена из когда-то белых кирпичей, выщербленная местами настолько, что через нее можно было перешагнуть. Кирпичи из выбоин лежали здесь же, у подножья стены, раскрошившиеся от времени и залпов пушек, некогда бивших по Анаре Хаэл. Внутреннее пространство поросло зеленой щеточкой травы с выглядывающими глазами одуванчиков. За стеной находился ряд прямых мраморных колонн, стоящих на поясе камня, идущего параллельно внешней стене. За колоннами начинались стены замка, из ободранного, серого, а в тени зеленого ото мха и плесени камня. Посыпанная гравием дорожка вела к четырехугольному зданию, снабженному странными угловыми башнями. Предназначенные для обороны крепости, они, тем не менее, имели странные бойницы, неудобные для арбалетчика, но идеально подходящие для того, чтобы можно было прицельно пальнуть заклятием. Громадные многоярусные окна скалились осколками цветных витражей, слепо шурясь в наступающих сумерках. Дворец не держался на крупных земляных насыпях или наклонных балках. Он просто как влитой врос в свой фундамент, готовясь простоять так еще века и заставляя даже атеистку Лэа поверить в какую-то неведомую держащую его силу.

– Красотища... – Райт восхищенно улыбнулся.

Лэа глубоко вдохнула горьковатый запах одуванчиков и замшелых валунов.

– Надо собрать побольше хвороста. Держать костер.

Райт привязал своего Лотоса и Кариби к одной из раскрошившихся колонн, накинув на нее петлю.

– Почему ты решила заночевать здесь?

– Можно не бояться разбойников. Все обходят это место десятой дорогой, поэтому здесь безопасно.

– Уверена?

– Более чем. И перестань же ты, наконец, всего опасаться. Мы не беззащитные дети, убежавшие из дому. – Хаарский меч поймал блик краснеющего солнечного луча и на миг показался покрытым кровью. – Эта долина безопасна. Ее хранят предрассудки людей. Мы заночуем здесь, а завтра свернем на аурумский тракт. По нему и двинемся в рощу Сиан Кром эит Мейблус.

– Аурумские друиды еще никому никогда не помогали. На что ты рассчитываешь?

Лэа резко вскинула голову, сжав рукоять хаарского клинка, и немного надменно глянула в сине-сапфировые глаза ее спутника.

– Гномы тоже никого не пускали в свои владения. Никогда. Никогда и ни кому не дарили своих мечей. Никому не позволяли жить в их городах.

Глаза Райта странно блеснули. Он отвернулся от Лэа и, быстро уходя, бросил:

– Я за хворостом.

И Лэа последовала его примеру, направившись совсем в другую сторону.

Лэа обошла замок с западной стороны, направившись к его южной части. Под ногами у нее хрустели камни и песок, вперемежку с зеленой травой, оплетающей их и скрывающей следы старой осады. Лэа не верила в существование магии. Она не верила в то, что уйдя из этого мира, магессы не оставили ничего, не осталось даже магических артефактов, как будто кто-то высосал из этого мира все, содержащее хоть каплю магии.

... сад окружал низкий, нагретый щедрым солнцем за день, каменный заборчик. Приглядевшись, Лэа поняла, что это всего лишь фундамент еще одной в прошлом высокой стены. Она легко перешагнула через него и оказалась в тени старых, оплетенных паутиной и мхом деревьев. Они уже не приносили никаких плодов, изжив себя за десятки лет, но по-прежнему торчали из земли, коряво растопылив свои сухие изломанные, с кое-где выступающими зелеными ростками, ветви. Лэа нагнулась и принялась собирать опавшие прошлогодние листья, и высушенные и выжженные солнцем ветви. Подняв одну оказавшуюся сырой из-под низу ветвь, Лэа увидела, как под ней что-то тускло блеснуло. Она опустилась на колени и аккуратно разгребла слой перегнивших листьев и земли. Под ними оказалась небольшая мраморная табличка, явно не имевшая в саду никакого места и принесенная откуда-то довольно давно. На мраморе было выбито изображение: на земле распластался человек, раскинув руки и откинув назад голову с широко раскрытыми от ужаса глазами и выступающей изо рта пеной. В груди у него торчала стрела. На заднем плане, далеко за пределами видимости этого человека, была лишь слегка намечена чья-то фигура, прижимавшая к щеке натянутую тетиву. Фигура была слишком мелкой и небрежно выполненной, чтобы можно было сказать что-то определенное.

Лэа сжала табличку в руке. Она ведь не такая. Она ведь не собирается убивать Человека в Волчьей Маске (или его стоит теперь называть Джером?) подло, издалека, не посмотрев напоследок в его зеленые ненавистные глаза?

Лэа тщательно отерла мраморную табличку от земли и перегноя и спрятала в свой

походный мешок.

– Лэа?

Она резко вскочила, разворачиваясь с бедер, мгновенно, рефлекторно, выхватив из ножен меч, и лишь развернувшись вполоборота, запоздало сообразила, что это Райт.

– Я искал тебя. Не стоит ходить по одному. Не нравится мне эта тишина. Лучше давай найдем место для ночлега.

Она кивнула, спрятала в ножны хаарский клинок и подняла с земли собранный хворост.

– У меня плохое предчувствие, – беспокойно заметил Райт.

– Что? – тонкая линия бровей взлетела вверх.

– Такое ощущение, будто мы здесь не одни.

– Конечно, – саркастически усмехнулась Лэа. – Здесь бродят души магесс, погибших при осаде Анаре Хаэл.

Райт не улыбнулся. Лэа глянула в его глаза, казавшиеся почти черными в быстро наступавшей темноте, и напрягла упорно молчащую интуицию.

– Я ничего не чувствую, – сказала она через некоторое время.

– Пойдем отсюда.

Она пожала плечами и двинулась к выходу из сада. Райт повел ее к облюбованному им местечку для ночлега. Лотос и Кариби были уже там и равнодушно пощипывали траву. Это место с трех сторон было окружено плотно стоящими колоннами и завалено каменными глыбами. Проникнуть сюда можно было только через небольшую щель, оставленную двумя навалившимися друг на друга колоннами. Лэа проскользнула в проход вслед за Райтом. Внутри, на зеленой примятой траве, уже был выложен костер. Лэа подняла голову. Наверху сверкали первые звезды.

– Великолепно, – проворчала Лэа. – Просто фантастика. Стены есть, но нет крыши. Не мог подыскать ничего получше?

– Нет. Но здесь нас точно не найдут.

Лэа промолчала. Спорить ей не хотелось. Хотелось спать. Даже если кто-то нападет на них, она успеет выхватить из ножен свой меч. И будет в безопасности.

– Я нашел ягоды земляники! – весело сказал Райт. – На ужин у нас будет вкусный земляничный напиток!

Он уже возился с костром, терпеливо высекая искры. Она присела рядом и достала из ножен залежавшийся меч. Кружево узоров на лезвии танцевало причудливый танец в свете недавно взошедшей луны. Лэа достала точильный камень и медвежий жир. К своему оружию она относилась весьма ревностно, придерживаясь правила: волка кормят ноги, а наемника – меч.

Потом вынула аккуратно свернутую в трубочку карту, доставшуюся ей от Хьяла. Развернула ее и угольком отметила путь, который они преодолели. Вся карта была испещрена тоненькими полосами и линиями, отмечающими места, в которых она была и искала Джера. Лишь небольшой уголок на северо-западе карты оставался чистым: там возвышалась Лога Анджа и Лавовые Зубья – скалы, торчащие из морских глубин вблизи Логи Анджа. Она улыбнулась, вспомнив самый захватывающий эпизод своей жизни.

Лэа шла по дорожке, вымощенной светлым камнем, мимо замка, возвышавшегося в глубине острова. Рядом с ней шел масэтр Кэнд. Его рука лежала на плече Лэа. Он всячески ее подбадривал. Сегодня одно из самых главных ее испытаний.

– Повтори то, чему я тебя учил, – попросил учитель.

– Никто не должен пострадать. Лога Анджа – это храм. Убийство или физическое насилие в храме – святотатство.

– Помни это.

По дорожке, постепенно перешедшей в узкую тропу, они обогнули замок и оказались с обратной его стороны, выщербленной от постоянных ветров. Совсем рядом виднелись Лавовые Зубья, отливающие красным. Из самой большой скалы валил густой черный дым – вот-вот она начнет извергаться кровью земной.

Здесь, в этой части острова, она еще не была. И вряд ли когда еще побывает. Даже если вернется.

Земля закончилась резко и сразу. Лэа пошатнулась, пытаясь удержать равновесие. Масэтр ловко поймал ее за плечо и оттянул назад. От скалы к Лавовым Зубьям бежал узкий веревочный мостик, раскачивавшийся на бешеном северном ветру.

Она в последний раз окинула взглядом замок и ступила на веревочную дорожку. Ловко пошла вперед, уверенно переставляя ноги поступью ки-ар, как ее учили в замке.

– Удачи тебе, – тихо сказал масэтр Кэнд, наблюдая, как его лучшая ученица, шестнадцатилетняя Лэа ун Лайт, отправляется в путь, из которого возвращаются лишь немногие. Он был уверен, что она справится, но все равно переживал, душой и сердцем привязавшись к юной мстительнице.

Здесь, в Лавовых Зубьях, обитали самые свирепые и благородные существа из всех живущих в Элатее.

Здесь, на недосягаемой для людей высоте, на вершинах скал, вили свои гнезда Лавовые драконы.

Мало кто знает, что если добыть яйцо дракона, и вырастить вылупившегося ящера, то он будет самым преданным другом на всю вашу жизнь. Каждый выпускник Логи должен был добыть яйцо через год обучения, иначе он автоматически изгонялся из нее.

Лэа тоже предстояло добыть драконье яйцо и предоставить его масэтрам Логи Анджа, после чего двенадцать недель она будет оберегать его, прежде чем из яйца кто-либо вылупится.

Драконы заменяли выпускникам Логи Анджа верховых лошадей. Эти существа были быстрее ветра и сильнее сотни воинов. Не очень крупные, стремительные и невероятно умные.

Вверх... вверх...

Под ногами крошились и осыпались лавовые породы и мелкие крошки вулканического стекла.

Она придерживалась рукой за неровную и шершавую поверхность скалы. Та была теплой, значит, у Лэа в запасе было как минимум два часа. Найти гнездо было не трудно. Драконихи, высидевшие яйца, вили гнезда на вершинах извергавшихся вулканов.

Самым трудным было пройти мимо самок, стерегущих гнезда.

Она поднималась наверх скалы, обходя ее вокруг узкой, загибавшейся вверх дорожкой. Чем выше, тем теплее становилось вокруг.

До нее донесся глухой отдаленный рокот, похожий на раскат грома. Вздвигнув, она подняла голову – небо чистой синева. Значит, она близко.

Тропа круто разворачивалась, исчезая за поворотом. Осторожно выглянув из-за угла, Лэа увидела гнездо.

Оно было огромным, должно быть, дракониха, свившая его, была не менее ста футов в длину вместе с хвостом. Оно было сложено из гигантских глыб, не позволявших видеть, что происходит в большей части гнезда. Пол был усыпан черным жирным пеплом. Под ногой что-то хрустнуло. Лэа опустила глаза – множество мелких и крупных костей. Лэа не сомневалась, что ее постигнет та же участь, если ее план провалится.

Сделав еще несколько шагов вперед, она глубоко вдохнула и заглянула в гнездо. Дракониха была там. Она спала. Ее кроваво-красная чешуя ослепительно сверкала на солнце. Длинная вытянутая морда лежала на вытянутых вперед лапах с огромными загнутыми когтями. С обеих сторон от пасти шли два длинных нежно-розовых складчатых крыла. Глаза со змеиными веками были закрыты. При каждом выдохе из ноздрей вырывались клубы дыма. Длинная изящная шея плавно переходила в вытянутое змеиное тело. Громадные прозрачные крылья, прошитые узором из кровеносных сосудов, были сложены и подрагивали. От самой морды и до кончика хвоста шел длинный тройной частокол шипов. Один удар таким хвостом – и ты мертв.

Не в силах оторвать взгляда от дракона, Лэа шагнула внутрь. И тут она увидела яйца. Два штуки, одно нежно-розовое в крапинку, другое темно-красное. Лэа знала, что пол будущего дракона можно прочесть по цвету яйца. В розовом – самка.

Еще шаг.

Если дракон проснется, ей можно попроситься с жизнью.

Она задержала дыхание и подошла к самой морде чудовища. Подумать только, стоит драконихе открыть глаза, и ее ужин будет хорошо прокопчен и прожарен.

Яйца лежали прямо возле лап самки.

Лэа обхватила руками розовое и подняла его. Оно оказалось страшно тяжелым. Дракониха вздохнула во сне, и из ноздрей у нее вырвался раскаленный воздух, опаливший Лэа волосы, брови и ресницы. Лицо, шея, грудь, руки, до самых локтей, мгновенно покрылись красными волдырями. Чего только стоит достать меч и проткнуть этой самке шею, добравшись до аорты...

Нет. Это – Храм. Здесь убивать – святотатство.

Медленно, осторожно, она начала отступать назад. Вот край гнезда.

Дракониха открыла глаза с вертикальными кошачьими зрачками.

Яйца нет.

Она заревела и встала на дыбы, но Лэа уже скрылась за поворотом, во весь дух летя вниз. В голове вертелась лишь одна мысль: только бы не споткнуться, только бы не споткнуться. Она не должна. Ведь она бежит ки-ар, значит, не может споткнуться. Рев не прекращался. Самка взлетела. Стоит ей только раз взмахнуть крыльями, и она увидит Лэа, бегущую вместе с яйцом.

Скалу накрыла гигантская тень. Лэа вскинула голову. Над ней зависла дракониха. В глазах – первозданная ярость хаоса. Она исторгла победный рев, заметив яйцо в руках девушки.

«Сейчас она дохнет огнем, и мне конец, – подумала Лэа. – Не поможет даже вода...»

Вода! Вот же оно – спасение! Дракониха выдохнула пламя огромным огненным грибом, но была еще слишком далеко – Лэа не стояла на месте, а во весь дух неслась вниз. Жар лишь опалил спину девушки, и та тоже покрылась кровавыми ожогами.

Она выбежала на участок скалы, далеко выдававшийся в море. Или сейчас, или никогда! Весь правый бок колото так, что темнело в глазах. Больше она не может бежать. Лишь бы

успеть долететь до воды – она хорошо плавает – и не разбиться о скалы. Одним мощным прыжком она как можно сильнее оттолкнулась от земли и изо всех сил прыгнула вперед, чтобы оказаться как можно дальше от скал на большей глубине.

Несколько секунд полета и глухой удар об воду такой силы, что она едва не потеряла сознание, заставив себя вернуться в этот мир лишь невероятным усилием воли.

Дракон взревел и спикировал вниз. Лэа вдохнула как можно больше воздуха и поплыла вниз. Если драконихадохнет огнем на воду, та мгновенно вскипит. Свариться заживо ей не хотелось, поэтому Лэа изо всех сил плыла ки-ар.

Дракониха взревела еще раз, но Лэа слышала ее глухо, как через несколько толстых одеял, да еще заткнув уши.

Вода стала горячей, но не настолько, чтобы жечь кожу.

Она плыла к замку, осторожно используя запас воздуха. Тренированная в Логе Анджа, она могла задерживать дыхание до пяти минут, но если дракониха выдохнет огонь еще раз, то придется нырять глубже, а значит, запас кислорода кончится быстрее.

... она не помнила, как добралась до замка. Сбежав от драконихи, Лэа попала в течение, и ее вынесло в открытое море, где она пробыла два дня. Если бы не постоянные тренировки в Логе Анджа, она бы утонула, не пробив и двух часов в воде.

Но нет. Она держалась на плаву ки-ар, не пытаясь выбраться из течения, а позволяя себя нести, потому что знала – два-три дня и оно вынесет ее к острову.

Сорок восемь часов в воде – и она дома...

Райт перехватил взгляд Лэа на карту.

– Смотришь на Зубья?

Она кивнула, по-прежнему пребывая там, в северо-западном течении, огибающем остров.

– Я слышал, что у каждого выпускника Логи есть дракон...

– Это так. – В ее взгляде промелькнула грусть.

– Но где же тогда...

– Она погибла... Моя Ирди пала... Я не могла взять ее с собой в Хаар и отпустила на волю. Когда же срок пребывания под землей истек, я нашла лишь обглоданные драконьи кости и ее половину соединяющего нас кристалла... – Лэа тяжело вздохнула. – Почему-то все, кого я люблю, очень быстро погибают...

...а в небе горели хрустальные льдистые кристаллы звезд, складываясь в причудливые созвездия. На юге самым крупным созвездием была Россыпь, восток знаменовал Медведь, север – нить Ариадны, запад – Паутина.

Райт поднял голову к звездам.

– Смотришь на Россыпь? – улыбнулся он Лэа, пытаясь сменить тему.

Она кивнула.

– Ты знаешь легенду? Легенду о том, что когда-то прекрасный юноша подарил Ариадне нить дивного жемчуга, найденного на самом дне океана. Он переливался всеми цветами радуги, похожий на капли самого солнца. Юноша нанял лучших ткачих, чтобы они выткали тонкую как паутинка и крепкую как леска нить. Он нанизал на нее жемчуг и преподнес его Ариадне, прекраснейшей из всех смертных. Но гордость Ариадны не позволила ей принять

подарок. Она отшвырнула это сокровище, нить порвалась и жемчужины рассыпались. Боги наказали Ариадну, а нить и жемчуг отправили на небо, к звездам, чтобы люди помнили о том, что такое презрение, и о том, что такое любовь...

– Я уже говорила, что не верю в такие легенды, – спокойно сказала Лэа.

Райт окинул ее раздраженным взглядом.

– А ты вообще во что-нибудь веришь?

Она неопределенно пожала плечами.

– Верю в силу своего меча. В то, что найду Волка. В то, что он сломал мне жизнь. В то, что он заслуживает смерти.

Звезды разгорались, становясь с каждой минутой все ярче, повергая наших спутников в сон.

Райт отвернулся от нее.

– Тебе никогда не хотелось жить по-другому?

Лэа опять пожала плечами.

– Не знаю. Раньше я часто об этом думала, представляла себе другую жизнь...

– А ты никогда не думала о том, что ты будешь делать после того, как отомстишь? Ты ведь не сможешь жить в сбитом из крепких дубов доме, на крыше которого лежат розовые ветви яблонь и вишен, стирать одежду в ручье, смотреть за детьми. Тебя будет тянуть к наемничеству, к путешествиям. Тебя будут звать каждая дорога, каждый корабль, каждая тропа...

– Заткнись! – резко оборвала его Лэа.

Райт замолчал, но, похоже, обиделся. Ну и пусть. Она злилась. Никто не просил его лезть с глупыми замечаниями и истинами, которые она знала сама. Он не прав. Она жила такой жизнью. Согаден. Две весны тому назад. Она провела там шесть месяцев, начиная с Сутьвинара и по Яэтэнур.

Она отомстит. А дальше отдаст себя в руки своего предназначения. Теперь она точно знала, что Волк виновен в смерти ее родителей. И в том, что наложил кровоточащий и ноющий болью отпечаток на ее жизнь.

Этому были свидетели ее шрам.

Ее память.

И ненависть.

Она проснулась непонятно отчего. Просто резко открыла глаза, ощутив какую-то внутреннюю тревогу. Вокруг было темно и очень холодно, значит, до рассвета оставалось несколько часов. Она повернула голову. Райта не было.

Вход был завален какими-то камнями.

– Райт? – окликнула она его тихо.

Нет ответа. Она встала. Тревога не покидала ее, но Лэа надеялась, что с Райтом было все в порядке. Она аккуратно разобрала завал и протиснулась наружу. Метрах в ста от нее, в одном из окон первого этажа Анаре Хаэл, плясали отблески костра. В висках забились: опасность. Она вытащила из ножен тихо зашелестевший меч и кошачьими шагами пошла вперед, осторожно обходя хрустящую под ногами гальку. Из окна до нее долетали тихие голоса и треск костра. Она остановилась и прислушалась.

– Ее нельзя трогать.

– Джер был не в себе, когда приказывал это.

- А он вообще когда-нибудь бывает в себе?
- Вы знаете, где она?
- Он не сказал. Но она хорошо спряталась.
- Давайте найдем ее.
- Тебе жить надоело?
- Я вообще не понимаю его целей!..

Лэа напряглась. У нее перехватило дыхание. Джер?! Если они говорят о нем, то...

Она подошла ближе и осторожно заглянула в окно, закрытое чугунной решеткой и осколками стекол.

В комнате сидели четверо мужчин, склонившись над небольшим пузатым бочонком. Внутри комнаты, в земляном полу, была выкопана яма, в которой они и развели костер.

– Где Джер сейчас? – опять начал разговор один из мужчин.

– Он не сказал. Но скоро должен вернуться.

– Ушел, оставил нас одних. Его уже неделю нет! И что нам делать? Мне надоело здесь прятаться и морозить кости на каменном полу!

– Заткнись! – оборвал его другой. – Джер сказал, что будет сегодня. Раз сказал – значит сделает. Ждем.

Лэа метнулась к входу. Думать было некогда.

– Где он? – заорала она, влетев на полном ходу в комнату.

Мужчины вскочили в мгновение ока и выхватывали оружие. Что-то здесь было не так, вот только понять – что именно? – она не могла. Вдруг уловила за спиной дрожание воздуха, но развернуться не успела. Что-то тяжелое с размаху опустилось ей на голову, и мир окутала тьма.

Глава VII: Роща друидов

Глаза открывать не хотелось. В висках пульсировала боль, окутывавшая туманом мысли. Все-таки пересилив себя, она приоткрыла веки и тут же увидела склонившегося над ней Райта. Глаза его были наполнены тревогой, но когда он увидел, что Лэа очнулась, засияли радостной синевой и как будто даже стали ярче. Выглядел он плохо. Скула была рассечена до крови, и на ране запеклась багровая кровь. На шее расплылся здоровенный синяк, губы были разбиты в кровь, и еще он берет левую руку.

– Наконец-то ты очнулась! Семь дней провалялась в лихорадке. Я уже боялся, что ты не выкарабкаешься. Я собрал всех лекарей радиусом десять миль отсюда. Я не отходил от тебя ни на минуту. Как же я рад!

Голос Райта врезался в голову как чей-то раскаленный нож. Она едва улавливала смысл его слов.

– Где я? – она с трудом разлепила разбитые, с запекшейся кровью, губы.

– Тихо. – Он осторожно прикрыл ей рот рукой. – Молчи. Разговоры не пойдут тебе на пользу.

– Как я сюда попала? – она не слушала его.

Райт вздохнул.

– Ладно, так уж и быть. Я все расскажу, только ты, главное, молчи. Ночью я проснулся от того, что накануне выпил слишком много земляничного напитка и пошел по малой нужде. Отошел я совсем недалеко, но, когда вернулся, тебя уже не было. Не было и твоего меча. Хоть я и знаю, что ты не расстаешься с ним ни днем ни ночью, все равно стало тревожно. Немного подождал, но ты не возвращалась. Тогда я решил пойти поискать тебя. Увидел твой силуэт у освещенного окна, потом ты резко метнулась внутрь. Я понял, что там кто-то есть и побежал следом. Когда вбежал в комнату, увидел там четверо человек, и тебя, лежащую лицом вниз в луже собственной крови. Тогда... тогда я впал в ярость. Мне удалось отбить тебя. Они все сбежали, как последние трусы. Я схватил тебя. Ты была без сознания, а из разбитой головы ручейками стекала кровь. Мне пришлось изменить маршрут нашего пути и отправиться на запад, к ближайшей деревне, так как максимум моих умений – это закалять рану железом. Твою рану так лечить явно не стоило. Вот сейчас мы и находимся в прелестной деревушке под названием Хэлитэ. Здесь нет таверны, зато целых три лекаря, в доме одного из них ты сейчас и лежишь.

– Джер... – простонала она.

– Что? – он склонился над ней, но все равно едва различал ее горячий шепот.

– Они сказали: Джер... он должен был вот-вот прийти.

По щекам полились слезы ярости и отчаянья.

– Я не слышала, как он подошел сзади! Я не успела...

Она в бессильной злобе ударила рукой по простыням.

– Кто я теперь после этого? Масэтр Кэнд учил меня: будь терпелива и хладнокровна! Я забыла его главный урок! Я бросилась внутрь, сломя голову. Я ослепла от ярости. Терпение? Сколько можно! Я семь лет ненавижу его! Семь лет! Смерть для него будет слишком легкой платой! Я заставлю его испытать все, что испытала сама! – давилась рыданиями Лэа.

Райт крепко сжал ее горячую руку.

– Поспи. Тебе нужно больше отдыхать и тогда, возможно, мы уже через неделю сможем

выдвинуться из Хэлитэ.

Она послушно кивнула и закрыла глаза. Сознание окутала темнота, но не резкая и злобная, а мягкая и теплая.

Тишина...

– Я его там не видел. Не думаю, что он так сильно изменился с тех пор, как мы разошлись в разные стороны. Джер – имя весьма распространенное.

Лэа отрицательно покачала головой.

– Слишком много совпадений. Они говорили про меня...

– Они назвали твое имя?

– Нет, но...

– Они говорили, что ищут девушку, устроившую охоту на Джера?

– Нет, но...

– Тогда с чего ты решила, что это он?

Лэа разозлилась, но ругаться ей не хотелось, поэтому она ударила Кариби пятками в бока, и та припустилась галопом через аурумские земли.

Они уже три дня, как пересекли границу Далории и Аурума. Двигались прямо на северо-восток, в рощу друидов, по разбойничьим тропам. Большие города и торговые тракты Лэа старалась избегать, чтобы не вляпаться еще в какую-нибудь историю.

Пейзажи вокруг были воистину потрясающими! Аурумом заправляла королева Юлиана, которая по своим взглядам и убеждениям являлась последовательницей Ариадны и Аэлины. Она старалась поддерживать в своем королевстве идеальную экологическую чистоту. Здесь не было никаких добывающих промыслов и охоты, главным источником дохода было земледелие, остальное страна могла позволить себе экспортировать. Природа Аурума сияла потрясающе чистой девственной красотой. Нетронутые кирками гномов горы, блестящие от высокого содержания драгоценных металлов; покрытые изумрудной травой и золотым песком берега лазурных рек; долины с цветущими нарциссами; мощные дубовые рощи; размашисто упершиеся в землю кедры; тонкие кипарисы, стрелами уходящие вверх. Все это было результатом многовекового, тяжелого и упорного труда.

Кариби перешла с галопа на шаг и спокойно переступала копытами по утопанной тропе посреди склонов холмов, заросших ярко-желтыми нарциссами, с венчиками, похожими на взбитые сливки.

– Извини.

Райт догнал ее и, осторожно наклонившись, положил руку на плечо Лэа. Она не сбросила ее, просто отвернулась.

– Я не хотел тебя обидеть. Если хочешь, я буду молчать. Не скажу ни слова.

Уголки губ Лэа дрогнули, чуть приподнявшись, но она промолчала.

– В этом королевстве потрясающие пейзажи, – сказала она спустя какое-то время. – Здесь восхитительный воздух. Наверное, это единственное место на земле, принадлежащей людям, где так хорошо.

Райт усмехнулся.

– Это не вся правда. Есть легенда о том....

– Райт...

– Хорошо, хорошо, молчу. Просто люди говорят, что такая красота не повсюду. Что есть некая Зона, сосредоточение...

– Райт! Если я не люблю легенды, это не значит, что я их не знаю.

Ее антрацитовые горящие на загорелом лице глаза грозно сверкнули.

– Если мы поспешим, то к вечеру будем у друидов.

– У друидов... – буркнул Райт. – Сдались они тебе?

Лэа проигнорировала его слова.

– Все равно друиды не пустят нас к себе до восхода солнца. Зачем спешить?

– Райт. Ты хотел сопровождать меня, а не я тебя.

Он нахмурился. Синие глаза блеснули.

– Давай наперегонки.

– Что?..

– Наперегонки. Спорим, твоя Кариби ни за что не обгонит моего Лотоса.

Дерзкие слова Райта зацепили ее. Она гикнула и Кариби понеслась по тропе. Райт сдвинул шпорами бога Лотоса и тот, встав на дыбы, помчался ей вслед. Вскоре покачивающиеся желтыми головками нарциссы видели лишь облачко пыли, медленно рассеивающееся вдалеке.

– Это действительно она? Роцца Сиан Кром эит Мейблус?

Лэа придержала поводья Кариби и глянула туда, куда указывал Райт.

– Да, это она.

Роцца начиналась не полого, а как-то сразу, коряво и крепко воткнувшись в землю дубами и орешниками. За рядом дубов следовали хаотично, на первый взгляд, растущие лиственные деревья различных видов. На самом деле кажущаяся хаотичность была строго выверенными линиями, образовавшими магический восьмигранник, своими углами обозначающий стороны света. В воздухе остро пахло мятой, желудями и листьями кинзорома, друидского галлюциногена.

– Чего мы ждем? Едем?

– Нельзя.

– Это еще почему?

– Они должны сами выйти.

– Как они узнают о нашем прибытии?

Лэа пожалала плечами.

– Узнают. Всегда узнавали.

– А почему нельзя входить?

– Дриады. Они охраняют границы роцци, и, поверь мне, более метких стрелков нет на всем белом свете.

– Проверим?

Райт слез с Лотоса и медленно пошел к роцце.

– Стой! Не делай этого! – Лэа схватила его за руку. – Не надо их злить.

– Кто вы, добрые люди?

Он и она обернулись вместе, синхронно, спина к спине. У самого края роцци Сиан Кром эит Мейблус стоял высокий седобородый старик. Волосы на его лбу были подвязаны лентой. На изъеденном морщинами лице, под кустистыми седыми бровями прятались пронизывающие серые глаза. Верхняя губа скрывалась в седых пушистых усах. На плечи его был наброшен светло-зеленый плащ с вышитыми руническими символами. В руках друид сжимал служивший отнюдь не для опоры посох.

Лэа встала на одно колено, оперев руки на хаарский меч.

– Я – Лэа ун Лайт, мой спутник – Райт рент Крайген. Мы пришли к вам за помощью.

– Если намерения ваши благи и помыслы чисты, Иезекииль окажет вам помощь.

Райт скосил на Лэа глаза. На лице девушки не дрогнул ни один мускул.

Друид смотрел на них выжидательно, затем вздохнул.

– Убери оружие, дитя мое, и за мной следуй.

Лэа и Райт переглянулись, дружно спрятали оружие.

Сердце Лэа заходило в бешеном стуке.

– Вы впустите нас в Рощу?

– Не я впускаю вас, а Сиан Кром эит Мейблус.

Лэа едва удержалась, чтобы не фыркнуть.

Они шагнули под сень деревьев, в прохладную тень, звенящую от трелей птиц и насекомых.

– Гляди, – Райт толкнул ее в бок, пока они шли за друидом.

Лэа посмотрела по указанному направлению. В ветвях высокого крепкого дуба расположилась дриада. У нее была нежно-зеленая кожа, темно-зеленые, почти черные, волосы и темные, неясного оттенка глаза. Высокая и худая, она держала в руках лук, туго натянутая тетива которого прижималась к щеке.

Лэа оглядела другие деревья. В ветвях каждого третьего сидели сестры первой дриады, все, как один, держали на изготовке луки, нацеленные в них. Очевидно, предупреждая их «злые намерения и помыслы».

– Есть одна легенда, – шепнул Райт. – Про дриад. Они подчиняются друидам, потому что однажды, один друид спас Великую Королеву Мать всех дриад, когда она была еще ребенком. Вырастил ее как родную дочь в своем кругу в заповедной роще. В благодарность же она повелела всем своим предкам служить друидам до скончания веков.

Лэа не стала перебивать его, в надежде, что легенду в пух и прах развенчает ведущий их друид. Но он воздержался от комментариев, лишь усмехнулся себе в усы.

Чем дальше они углублялись в лес, тем старше становились деревья. Древние дубы, корни которых заросли мхом, а ветви раскинулись на добрый десяток метров. Их стволы не смогли бы обхватить десять человек, а верхушки уходили высоко в небо, теряясь где-то в туманной дымке.

– Пришли, – друид вышел на поляну.

Лэа от изумления потеряла дар речи, потому что в центре поляны высился огромный исполинский дуб, приподнятый на корнях так, что образовал под собой огромный шатер, в котором мог бы разместиться весь Анаре Хаэл.

– Невероятно... – прошептал Райт.

Лэа была с ним согласна, потому что дуб и не думал умирать. Ему была не одна тысяча лет, но на ветвях, толщиной в несколько человек, росли огромные, размером с одеяло, листья.

Раскидистая вершина дуба терялась в облаках.

Лэа разглядела, что под корнями дуба снуют десятки друидов, все в светло-зеленых одеждах.

– Где он? – спросила Лэа.

– Иезекииль наверху.

Друид указал рукой, и Лэа заметила пристроенную к коре дуба винтовую лестницу,

огибающую ствол и пропадающую за поворотом.

– И мне нужно подняться?

Друид промолчал. Ответ был очевиден.

Лэа шагнула на ступени.

«Неужели сейчас все случится? – думала она, поднимаясь. – Неужели я узнаю, где он?»

Но это было бы слишком просто, и в подсознании Лэа это ощущала.

Поднявшись на самый верх дуба, в котором пряталась большая деревянная площадка, она увидела его.

Иезекииль был облачен в ослепительно белые одежды. Деревянный посох венчал изумруд, а сухие старческие руки были покрыты руническими татуировками.

Длинные белые борода и волосы друида сливались с одеждой.

Лэа стоило только один раз глянуть в прозрачно-голубые глаза друида, чтобы понять: он не станет помогать.

– Дай мне руку, дитя мое.

Лэа подошла ближе и протянула ему свою натренированную мгновенно выхватывать меч из ножен и не знающую спиц и палец руку. Руку, на которую был надет не наперсток, а кожаные наручи, истертые от постоянных упражнений с мечом.

Он взял ее маленькую ладонь своей, сухой, сморщенной и коричневой от трав и времени, и крепко сжал ее.

Иезекииль закрыл глаза.

Несомненно, это была она. За какой-то миг он впитал в себя вереницу образов, представлявших в сознании Лэа ее жизнь.

Потом открыл свои ясные голубые глаза.

– Сие невозможно, дитя мое.

Лэа насторожилась.

– Что невозможно?

– Искать тебе нельзя его. Ибо он – твоя смерть. Найдя его, ты лицом к лицу со своей смертью встретишься.

– Это неправда! – яростно воскликнула Лэа. – Ты лжешь! Он – всего лишь трусливый наемник, считающий себя вершителем судеб!

– А ты? – тихий голос иезекииля заставил ее замолчать. – Кем считаешь себя ты? Месть твоя потеряла священный характер. – Он говорил слова, которых Лэа боялась большего всего. – Ненависть всесильна. Съедает человека изнутри она, замыкает мысли людские и заставляет идти их по кругу, снова и снова возвращаясь к началу. Очисти свою душу и разум от ненависти. Прямо здесь и сейчас от мести своей откажись, и тогда очистишь дух свой, будто умоешься росой утренней.

– Нет, – она говорила тихо, но так, что ее слова звучали клятвой. – Мой дух очистится только его кровью.

– Забудь о мести, – друид поднял руки. – Забудь о крови. Забудь о нем, о человеке в маске.

– Кто он? – она спросила звенящим от ярости голосом.

– Этот человек не для тебя.

– Значит, вы отказываетесь мне помочь? – медленно выговорила Лэа.

– Нет, дитя мое. Это ты отказываешься от нашей помощи, от исцеления духа своего.

Она резко развернулась и почти бегом дошла до края площадки, как во сне спустилась

по ступеням и бросила через плечо:

– Идем отсюда, Райт.

Райт осторожно, почти с опаской оглянулся на невозмутимо опиравшегося на посох провожавшего их друида, будто боялся, что тот начнет швыряться заклятиями. Райт был уверен, что друиды имеют источник магии, иначе даже им не было бы под силу управлять природой.

Лэа уже порядочно убежала вперед, когда Райт, последний раз оглянувшись на иезекииля, поспешил следом.

Костер трещал очень весело, будто напевал какую-то радостную песню, раздражая своим веселым пламенем мрачно сидевшую Лэа.

– Эй... – Райт сел рядом, обняв ее за плечи. – Не грусти. Мы найдем его, чего бы это нам не стоило.

Она спрятала лицо в ладони. Райту показалось, что он слышит тихие всхлипывания.

– Мне очень жаль, что друиды отказались помочь, но вместе мы найдем выход.

– Вместе... – она подняла голову и улыбнулась.

На мокрых щеках, на явственно белеющем шраме остались мокрые дорожки от слез, которые Райт осторожно вытер большим пальцем.

– Я ни за что тебя не брошу. Я буду с тобой до конца...

– Ты так говоришь, будто мы тысячу лет знаем друг друга, а не несколько недель.

Он как-то странно улыбнулся своими сапфировыми глазами.

– Это немало.

Она вздохнула, окончательно успокаиваясь.

– Знаешь, я много раз думала о том, что будет после того, как я найду его. И много раз представляла себе мою жизнь, пока не поняла: встреча с ним ничего не изменит. Отомстив, я найду новую цель. Ведь я – наемница. Всего лишь песчинка в этом мире. Все решения, которые я принимаю, не имеют никакого значения. Друиды не помогли, но я продолжу поиски. В конце концов, мир тесен. Я не остановлюсь. Иезекииль был прав: даже тысячи смертей не окупят моей мести. Ненависть давно ведет меня по кругу, так, что я уже забыла, где начало, а где конец... совсем...

Он крепче обнял ее.

– Тебе надо отдохнуть. Поспи. Я буду рядом.

Она кивнула и закрыла глаза, отдавая себя в руки теперь уже спокойному глубокому сну.

Иезекииль сидел у костра, сторбившись, и кого-то ждал. Затрещали кусты. Друид резко обернулся на хруст.

– Это я.

Из кустов, отводя от лица ветки, вышел мужчина. Одет он был в кожаную куртку и высокие ботинки с пряжками. На спине висел мощный черного дерева лук и колчан из змеиной кожи, полный стрел с зазубренными наконечниками. На лице у человека была бронзовая маска оскалившегося волка, под которой прятались колючие злые глаза и темные волосы. В руке он сжимал увесистый кожаный мешочек, перетянутый узким шнурком.

– Господин... – друид поклонился.

– Ты сделал все, как я велел?

Друид поклонился еще раз.

– Да, господин...

– Ты переубедил ее?

Друид как-то сжался, на сморщенном лице отразился страх.

– Мне не удалось, господин... она и слушать меня не стала...

– Куда она направилась?

– Сие мне неведомо...

Человек бросил ему мешочек под ноги.

– Как договаривались. Иди отсюда.

Друид встал, опершись на свой посох. Едва он повернулся к Человеку спиной, раздался глухой звук спускаемой тетивы, и тяжелая длинная стрела с зазубренным наконечником вонзилась иезекиилю прямо между лопаток, омыв кровью траву и светло-зеленые одежды друида.

Человек подошел к телу и перевернул его носком сапога.

– Зря ты так несерьезно отнесся к моим словам. Ты должен был что-то сделать.

Он выдернул стрелу из захрустевших костей и вытер ее об мантию друида, оставив грязный красно-коричневый след.

– Жаль было стрелу на тебя переводить.

Человек повел плечами, поправляя положение лука, и двинулся в сторону, откуда пришел. Здесь его больше не держало ничто.

Глава VIII: Спасите эльфку!

– Славная добыча! Давненько я так не стрелял.

Райт потянулся и весело подмигнул задумчивой Лэа.

– Не грусти!

Она приподняла бровь в ответ на веселые выкрики Райта.

– Дичи, которой ты подстрелил, хватит от силы на неделю. Потом мы вступим на Территорию Эльфов. Там охотиться нельзя. Придется все-таки заехать в город, заработать немного денег и купить провизии.

– Надолго ли мы задержимся?

Лэа пожалала плечами.

– В зависимости от того, какая работа мне подвернется.

Райт достал подробную карту королевства Аурум, приобретенную на оживленном торговом тракте пару дней назад.

– Ближайший к нам город – это Агниэт. Там можно будет неплохо подзаработать и нанять эльфа-проводника, чтобы благополучно добраться до западных границ Территории Эльфов.

Лэа кивнула, по-прежнему думая о чем-то своем.

– Я не совсем уверена в том, что это хорошая идея, но проводник нам действительно может пригодиться. Сколько нам до Агниэта?

Райт провел пальцем по карте.

– Часов шесть хорошей скачки.

– Так чего же мы ждем?

Она ударила Кариби пятками бока и та, танцуя, бросилась вперед.

Агниэт был оживленным торговым городом, расположенным на перекрестке трех купеческих трактов. Его очень удачное расположение способствовало быстрому и бурному развитию. Постоянно возникающие в городе строения новых архитектурных стилей придавали ему вид скорее разношерстный, чем серьезный. Большое количество таверн, трактиров и пабов, продающих спиртные напитки разных народов и даже рас, придавали городу атмосферу веселую и беззаботную. Но даже здесь люди порой переступали грань.

В трактире было темно и душно, но необычайно весело. Впрочем, веселье это было не совсем здоровым. Четверо мужчин держали связанную крепкой пеньковой веревкой красивую эльфку. Эльфка отчаянно ругалась и шипела, пытаясь вырваться. Она извивалась как змея и плевалась на каждого, кто пытался до нее дотронуться.

Один из мужчин, рыжий, с жесткой короткой щетиной и густыми усами, хохотал. Ловко поймав длинные светлые волосы эльфки рукой, быстро намотал их на нее так, что эльфка выгнулась дугой к нему, чтобы уменьшить натяжение и боль. Рыжий грязным охотничьим сапогом наступил на спину эльфки, заставляя ее выгибаться еще сильнее. Трое мужчин, стоявшие рядом с кружками пива в руках, подбадривали Рыжего. Один даже вылил на голову эльфки пиво из своей кружки, и его дружки встретили этот дерзкий поступок с восторгом. Рыжему хватило одного взгляда на смельчака, чтобы тот быстро ретировался.

– Она моя. Усекли?

Злая, униженная, и вдобавок мокрая, эльфка лежала, не сопротивляясь. Она устала. Волосы нещадно болели, намотанные на руку Рыжего. Мокрая от пива одежда облепила тело, идеально повторяя его контуры и формы, что еще больше подстегивало здоровяка. Рывком содрал с эльфки половину одежды, он почувствовал на своем плече чью-то легкую, но уверенную руку.

– Ты – Рыжий, по кличке Гора?

Рыжий обернулся. Сзади него стояла девушка в плаще, переброшенном через руку. Лицо было скрыто надвинутой на глаза шляпой, из-под которой виднелись сине-черные волосы, за спиной висел внушительный меч.

– Вали отсюда! – рыкнул Рыжий, пытаясь отшвырнуть девушку рукой.

Та легко уклонилась.

– Значит, ты.

Она скинула капюшон, и Рыжий отпрянул от неожиданности. Иссиня-черные, небрежно подобранные, волосы на лбу были стянуты тесьмой. Слегка загорелое лицо, на котором горели злые черные глаза, от брови к виску пересекал узкий злобный шрам.

Легко и плавно она вынула меч из ножен и не спеша подняла руку, приставляя острие клинка к горлу Рыжего.

– Отпусти ее.

Рыжий нехорошо усмехнулся.

– А ты попробуй, отбери.

Глаза Лэа сверкнули.

– Говорю еще раз: отпусти ее.

Рыжий ловко увернулся от острия Лэа. Она стояла, по-прежнему подняв руку с мечом, явно не собираясь нападать.

Громила выхватил из-за пояса внушительного размера топор.

– Потанцуем!

Эльфка быстро откатилась в сторону и попыталась развязать веревки, пока на нее никто не обращал внимания. Вокруг Лэа и Рыжего собиралось все больше народу. Кто-то присел рядом с эльфкой, помогая ей развязаться. Та дернулась от неожиданности и испуганно подняла на человека, присевшего помочь ей, свои миндалевидные бирюзовые глаза.

– Тихо ты! – рассердился помощник. – Не дергайся. Меня зовут Райт. Я – друг.

– Акфилэ. – Тихо ответила эльфка.

Райт улыбнулся, достал из-за пояса короткий охотничий нож и одним движением разрезал веревки.

– Нам надо убираться отсюда. Лэа рассердится, если обнаружит, что мы еще здесь. Мне не хочется лишний раз злить ее.

– Лэа – это она?

– Она, она. И сейчас она спасает твою шкуру.

Рыжий стал медленно обходить Лэа справа. Она поворачивалась на каблуках и явно тянула время. Райт должен был успеть уйти вместе с этой эльфкой.

– За твою голову назначена приличная сумма, Гора... и я намерена получить ее.

Вокруг стало тихо. Намечалось зрелище.

Гора злобно оскалился.

– За мою то много, но мне будет любопытно узнать, сколько дадут за твою? Готов поспорить, что и гроша медного пожалеют.

Лэа усмехнулась. Шрам изогнулся. Выражение лица получилось жутким.

– Тебе придется изрядно попотеть, чтобы дотронуться до меня своим клинком.

– А это мы сейчас проверим, – рыкнул Рыжий, бросаясь вперед.

Его тяжелые неповоротливые выпады были смешны по сравнению с гибкостью легко уклоняющейся Лэа. Она подпрыгнула, пружинисто и мягко, пытаясь достать его в центральной точке сексты. Рыжий пригнулся, рубанул мечом резко и вверх. Она обманула его, уклонившись влево и резко пригнувшись с одновременным разворотом вокруг своей оси. Рыжий не успел опомниться, как она уже легким почти ленивым движением провела хаарским мечом по подколенным сухожилиям. Рыжий упал, не в силах управлять своими конечностями и поднял глаза на Лэа, в которых читалась чистая, ничем не замутненная ненависть.

– Твоя взяла. Но мы еще посмотрим, кто кого, – прохрипел он и окончательно свалился на посыпанный песком пол.

Этот человек внимательно наблюдал за поединком, больше похожим на казнь. Он сидел за самым дальним столиком, скрытый в тени так, что никто даже и не подозревал о его присутствии. В руках он сжимал бронзовую волчью маску и с интересом смотрел на Лэа. Он готов был признать, что она прекрасный воин. Нет. Она – одна из самых лучших выпускников Логи Анджа, и все благодаря ему! Она дралась не мечом, не клинком и даже не рукой. Она полностью сливалась со своим оружием, всем телом реагировала на малейший выпад, будто являлась продолжением острия. Человек не считал ее опасной для себя. О нет. Дело было в другом. Ему сложно было разобраться в мотивах девушки, она была сильнее и выше его духом, и именно этого опасался и не понимал Человек. Он долго наблюдал за ней, пытаясь разобраться, за что она его так ненавидит. Не за ту же узкую изящную полоску на лице, которая придает ей столько обаяния? Правда, чтобы рана, нанесенная его оружием, стала такой, жрицам Эаллон пришлось изрядно повозиться. Им удалось невероятное, почти невозможное: шрам был узким, ровным и совсем не уродовал лицо.

Да, он убил ее родителей, значит, она может его ненавидеть за это. Хотя она могла и не знать этого. Нечаянно оброненная им фраза могла полностью поменять ее мнение о нем. За что же? За смерть маленькой девочки? Он не хотел этого. Все вышло случайно. Он только помог ей обрести себя, стать наемницей. Эту профессию одинаково почитают и презирают во всем мире. Пока будут заговоры, войны, правители, дворцовые перевороты, пока будут люди, готовые платить за это – будут и наемники. Эта девушка была просто создана стать воином. Она этого не осознает сама, но ее жизнь – это ее жизнь. За это нельзя никого винить.

Человек водил пальцем по острым клыкам маски, пытаясь разобраться в мотивах и поступках Лэа. Это было ему не по плечу. Но это был шаг.

– Вечно так... – проворчала Лэа. – Я рискую своей шкурой за других, а от меня потом шарахаются, кричат: убийца!

– Что-то не так? – поинтересовался Райт.

– Он заплатил мне половину обещанной суммы, сказал, что я не должна была устраивать казнь прилюдно, что это нарушение порядков.

Она тяжело бухнулась на траву. Райт и Акфилэ уже разожгли костер на окраине большого леса, совсем близко подходящего к реке.

– Пришлось купить только самое необходимое, – сказала она и обратилась уже к эльфке: – Как тебя зовут?

– Акфилэ Хилиэйанс Истимарьон...

– Хватит и Акфилэ. Так вот. Ты можешь быть нашим проводником в Кан Д'Иар, а можешь, если хочешь, вернуться в город. Выбор за тобой. Но утром мы уходим.

Акфилэ бросила на Райта быстрый взгляд.

– Я не хочу здесь оставаться. Я отправлюсь с вами.

– Ты – эльфка восточных земель? – спросила Лэа.

Акфилэ кивнула.

– Как же тебя занесло сюда?

Она пожалала плечами, отбросила назад прядь спутанных светлых волос.

– Караван отца. Он был уважаемым торговцем. Хотел показать мне города людей. Но в пути на нас напала шайка разбойников. Отца убили. Меня продали. Я мечтала вернуться в Кан Д'Иар, но у меня не было денег, чтобы нанять проводника. Одна бы я не выжила. До Кан Д'Иара две недели конному.

– Нам придется идти сквозь Замиэйские горы?

Акфилэ кивнула.

– Кан Д'Иар находится за ними.

– Есть ход?

– Через горы ведет множество тропинок, но все они охраняются эльфскими лучницами.

Чтобы пройти, вам придется преподнести Стражницам дар.

– Дар?

– Что-нибудь, что объяснит ваши намерения.

Лэа вздохнула.

– Придется потратиться.

– Извините... – эльфка опустила глаза. – Могу я узнать цель вашего странствия?

Райт мельком посмотрел на Лэа.

– Мы надеемся на аудиенцию Алэтаны, вашей королевы. Она может нам кое в чем помочь. Найти человека...

– Хватит болтать! – Лэа запустила руку в мешок. – Думаю, нам хватит оставшихся денег, чтобы купить дар.

– Акфилэ... – Райт повернулся к эльфке. – Можешь рассказать мне об эльфьих местах, через которые нам придется идти?

Она достала из своего дорожного мешка маленький гребешок, украшенный жемчугами, и принялась расчесывать им свои длинные светлые волосы. Она была удивительно красива даже для эльфки. Тяжелые пряди золотых волос падали на спину до самых ягодиц, рассыпаясь на множество мелких локонов. Огромные миндалевидные глаза цвета бирюзы были обрамлены черными длинными ресницами.

Она разделила волосы на три части, перебросив две вперед и открыв розовые остроконечные ушки.

Форма ушей у эльфов играла особенно важную роль. Самые восточные эльфы, живущие в Кан Д'Иаре, и дальше на восток, к морю, имели самые острые и длинные ушки. Это был своего рода признак чистоты крови, деливший эльфов на несколько групп. Форма ушей могла рассказать одному эльфу о другом больше, чем он сам того мог или хотел.

Лэа поглубже засунула руку, пытаясь отыскать мешочек с монетами. Рука наткнулась на

что-то холодное. Она быстро и инстинктивно отдернула руку, не успев даже испугаться. Лэа абсолютно не припоминала в своем рюкзаке ничего такого и не могла сообразить – что это?

Она опять опустила руку в рюкзак и достала оттуда мраморную табличку, найденную в саду Анаре Хаэл, с распластанным человеком, корчившимся в агонии, и лучником на заднем плане. Лэа успела намертво позабыть о своей находке и теперь вспоминала: говорила ли она о ней Райту?

Тем временем взгляд Райта сам упал на руки Лэа, сжимавшие табличку.

– Что это? – спросил он, садясь рядом. – Можно взглянуть?

Он протянул руку и поднес табличку к глазам, внимательно рассматривая изображение. Постепенно его взгляд все больше изменялся, в нем проявлялось удивление и даже какой-то благоговейный восторг и трепет.

– Где ты это взяла? – спросил он хриплым голосом.

– Нашла в саду Анаре Хаэл. А это что-то...

– Это же один из самых могущественных артефактов, которые пытались разыскать короли после изгнания магесс! – Сказал он возбужденно. – Существует легенда, что магессы сохранили в нашем мире часть магии, запаковав ее, перед тем как уйти, в разные предметы, которые затем спрятали по всему свету.

Он вскочил и принялся возбужденно ходить вокруг костра.

– Значит, легенды не врут. Магессы заключили магию в пяти артефактах, принадлежавших когда-то Ариадне и Аэлине. Это серебряная диадема, хрустальный кубок, аурумский самоцвет, перстень с жемчужиной и мраморная табличка. Люди сведущие ломают головы над тем, успели ли магессы разместить артефакты, напоенные магией сообразно четырем сторонам света и в центре мира Элатеи. Если ты нашла табличку в замке, значит, остальные артефакты находятся там же, то есть, магессы не успели завершить начатое! – торжествующе закончил Райт.

– А если они решили принять Анаре Хаэл за центр мира? – подала голос Акфилэ.

– Действительно. – Райт немного умерил свой пыл и покрутил в руках табличку. – Я уверен, что это именно она. Изображение в точности совпадает с тем, что описывается в исторических источниках и висящим полотном в виррокузском дворце, которое когда-то, как и все остальное, было вывезено из замка.

– Не хочется вас огорчать, – раздался раздраженный голос Лэа. – Но это всего лишь легенда, выдумка. Если это правда, почему мы не чувствуем никаких сил, исходящих из этой таблички?

В ее голосе слышалась насмешка, которую Райт уловил безошибочно и сразу, но не стал обращать на это внимание.

– Магию надо уметь разбудить. Причем сделать это именно в том месте, которое она должна была занять по плану магесс.

– Глупости. – Лэа резко встала. – Хватит. Мне надоело. Если хотите – можете отправляться хоть к Анаре Хаэл, хоть на край света.

– Успокойся. – Райт попытался взять ее за руку, но она резко отдернула ее, как от огня.

Он немного растерялся. Не понимал причины ее вспышки.

– Я справлюсь и без вас.

Она круто развернулась на каблуках и быстро ушла во тьму, оставив недоумевающих Райта и Акфилэ.

В висках стучала злость и обида. Они пытаются разгадать тайну какой-то таблички!

Таблички, о существовании которой они даже не догадывались, пока она не достала ее.

Разгоряченная злостью и обидой она прислонилась к гладкому холодному стволу незнакомого дерева.

– Лэа?

Райт искал ее, оставив Акфилэ у костра.

– Где ты?

Глубоко вдохнув, она шагнула ему навстречу. Райт не вздрогнул. Он смотрел на нее немного грустно и виновато, но вместе с тем жестко и дерзко.

– Если хочешь, чтобы мы помогли тебе, тебе придется попридержать свой характер.

Она отвернулась и молчала. Райт смотрел на Лэа и в глазах его читался вызов.

– Я не хотел говорить это, но если хочешь, чтобы мы тебя сопровождали...

Ее глаза сверкнули. Слишком поздно он понял свою ошибку.

– Лэа, я... прости, я не...

– Ты все сказал.

Ее голос был полностью лишен каких-либо чувств или эмоций, холодный и безжизненный, как заснеженные равнины Дархарии.

– Уходи.

– Прости меня...

– Уходи.

Голос не менялся, прежним оставалось и выражение лица, только глаза сверкали каким-то непонятым, прежде не видимым в ней чувством.

Он медленно повернулся и, тяжело ступая, пошел прочь.

...она вернулась к костру много позже, когда Райт и Акфилэ уже спали, прижавшись друг к другу в поисках тепла.

Лэа просидела до рассвета, пока сгустившаяся темнота не отступила, позволив различить хоть что-то и не дать переломать ноги Кариби. Она быстро и тихо отвязала ее и осторожно вывела из разбитого лагеря. Лэа направлялась в Согаден, город, лежавший на пути к Замиэйским горам. Там она найдет проводника и отправится в Кан Д'Иар, самый восточный город эльфов.

Сжимая в руке табличку, она подошла к спящему Райту. Глаза его были закрыты, дышал он ровно и глубоко. Лэа провела рукой по его темным волосам.

«Ты не хотел меня обидеть, – подумала она. – Но ты дал мне понять, что моя месть – принадлежит только мне. У тебя свой путь».

– Прощай... – шепнула она, положив табличку рядом с ним. – Меня ждет Согаден...

Лэа вскочила на Кариби, прикрепив свой дорожный мешок к седлу.

Согаден ждал.

Глава IX: Согаден

В Согадене у Лэа было множество знакомых. Когда-то ей пришлось провести в этом городе некоторое время. Если быть точнее – то осень и зиму два года тому назад. Она успела порядочно наследить здесь, сцепившись с сыном местного ирханта, заправлявшего городом, Тормалом. Сейчас она старалась не попадаться никому на глаза, чтобы не вызвать толк и сплетен, а потом и последующего за этим выдворения из города ирхантом, некогда запретившем ей появляться здесь. Ей всего лишь нужно было остановиться в городе на пару ночей, чтобы заработать денег на дар Стражницам. А, возможно, и нанять другого проводника.

Согаден, часто подвергавшийся нападению эльфов, а изредка и гномов, был окружен высокой каменной стеной, а также рвом, наполненным водами веселой бурлящей реки – Ихла-таны. Солнце еще довольно высоко стояло в небе, поэтому мост был опущен, и по нему входили и выходили в город люди. В узких прорезанных в стене бойницах блестели шлемы и кольчуги стражников. Те же стражники стояли по обе стороны ворот с поднятой решеткой. Они внимательно проверяли и перепроверяли товары ввозимые и вывозимые из города, а также взимали пошлину с людей, проходящих в Согаден.

Лэа не спеша подъехала к воротам и встала в небольшую очередь, ожидавшую пропуска. Голос привратника она узнала сразу. Это был Гурт, человек, с которым она познакомилась и даже подружилась во время своего прошлого визита. Надежды на то, что он не узнает Лэа, было мало, поэтому она решила положиться на то, что он не станет выдавать ее.

Когда Лэа поравнялась с ним, Гурт поднял глаза на нее.

– Лэа! – изумился он. – Чем обязан столь неожиданному визиту?

– Рада видеть тебя, Гурт. – Улыбнулась Лэа. – Как поживают Киана и Рут?

– Отлично! – сверкнул белоснежными зубами Гурт. – Буду рад видеть тебя сегодня вечером у себя дома.

– Всенепременно, Гурт, всенепременно. Только сначала у меня есть кое-какие дела.

Гурт сразу уловил в голосе Лэа напряженность.

– Не беспокойся. В нашем городе новый ирхант, начиная с этой весны. Ты можешь спокойно находиться здесь. Я освобожусь только к обеду, но Киана будет очень рада тебя видеть прямо сейчас!

Лэа, как показалось Гурту, вздохнула с облегчением.

Гурт подозвал жестом одного из ошивавшихся поблизости мальчишек и, дав ему медную монетку, попросил:

– Проводи ми-сади к моему дому.

Очевидно, эти мальчишки находились здесь постоянно и время от времени исполняли для стражников различные мелкие поручения, как то: сбегать в ближайшую таверну за сдобным пирожком, холодным квасом, а то и чем-нибудь покрепче.

Мальчишка казался на редкость жизнерадостным: с рыжими торчащими во все стороны кудряшками, крупными веснушками и вздернутым носом. На худые плечи, по аурумскому обычаю, была надета длинная рубашка с коротким рукавом.

– Спасибо, Гурт. – Лэа улыбнулась. Но я прекрасно помню дорогу.

– Тем не менее ты моя гостья, – возразил стражник. – Негоже тебе одной бродить по городу.

– Пойдемте, ми-сади, здесь недалеко идти, если знать дорогу, – нетерпеливо воскликнул мальчишка.

Лэа не стала спорить, лишь на прощание махнула Гурту рукой.

Согаден, как и большинство аурумских городов, отличался ровными чистыми улицами и густонаселенностью. Вот и сейчас бодро шагающий мальчик и Лэа, идущая за ним вслед, пересекали оживленные гомонящие улицы. В Согадене было множество различных лавочек и таверн, так как Аурум, не имеющий собственной промышленности, старался налечь на торговлю. Вдоль главной, мощеной ровным и гладким камнем улицы, расположились торговцы, весело зазывавшие народ в свои заведения. На разрисованных вывесках, под словами, помещались выразительные рисунки, дающие тем, кто не знает грамоту, четкое понятие, что располагается в том или ином месте. Лэа, изучившая в Логе Анджа основные языки и наречия Элатели, легко и бегло читала все вывески, удивляясь, а то и вовсе смеясь над некоторыми. Таверны; ювелирные, оружейные, бакалейные лавки; ловко снующие в толпе коробейники – она уже успела забыть, как хорошо в Согадене. Она спешит, но может повременить несколько дней, как следует отдохнув здесь. Город готовился к ярмарке: ставни, крыши, столбы, вывески – все было украшено пестрыми гирляндами цветов и фонариков; повсюду царило оживленное веселье, предшествующее празднику.

Мальчик вел ее мимо высоких городских застроек, пересек площадь и, миновав еще несколько домов, свернул влево.

– Это здесь, ми-сади.

Он указал на деревянный дом с высоким каменным крыльцом и красивыми резными ставнями. Она улыбнулась, узнав деревянное тяжелое кольцо, которое Гурт вырезал больше двух лет тому назад.

Она взбежала по ступенькам и несколько раз стукнула в дверь кольцом. Изнутри тянуло запахом свежее испеченного хлеба, молока и жареного лука.

– Сиди здесь, я открою, – услышала она знакомый женский голос и невольно улыбнулась.

Дом Гурта остался единственным местом в мире, где она чувствовала себя как дома.

Дверь открылась, на Лэа дохнуло теплом.

– Здравствуй, Киана.

– О, милостивая Эаллон! Неужели это ты, Лэа? – Перед девушкой стояла немного растрепанная на вид молодая женщина в белом переднике, с полотенцем в руках, каштановыми волосами, заплетенными в толстую косу, несколько раз обернутую вокруг головы и немного усталыми зелеными глазами. – Как я рада тебя видеть! – Киана радостно обняла Лэа. – Ой, что же это мы стоим на пороге! – спохватилась она. – Проходи в дом, у меня как раз вот-вот обед поспеет.

Киана заскочила в дом, радостно суетясь.

Лэа огляделась. Почти ничего не изменилось с тех пор, как она была здесь больше двух лет тому назад. Все так же посередине комнаты стоит дубовый стол, в углу комнаты стоит статуя Эаллон, стены разрисованы угольком. Возле печи и на полке множество домашней утвари. На лавке сидит, насупившись, значительно подросшая Рут. Ей сейчас восемь. Возле нее стоит колыбелька, а в ней спит розовый, крепко спеленатый младенец. При виде его лицо Лэа озарила теплая улыбка.

– Киана?

– А?

Та ловко и быстро застелила стол белоснежной скатертью и выставляла на него хлеб, нарезанные овощи, горшок с какой-то вкусно пахнущей сдобренной маслом кашей, щи, кувшин молока, холодный квас и многое другое.

– Младенец?

Киана улыбнулась.

– Я думала, Гурт уже сказал тебе. Эаллон была милостива к нам и дала долгожданного наследника. Мы назвали его Джер.

Лэа дернулась при звуке этого имени, но постаралась ничем больше не выдать своей нелюбви к данному имени.

– Рада за вас.

– Ох, что ты! Видела бы ты Гурта, когда Джер только родился. Он опьянел от радости! – Киана понизила голос, чтобы слова не долетели до сидевшей на скамейке Рут. – Ты ведь знаешь, самые лучшие эльфьи лекари говорили, что я не смогу больше иметь детей. Но Эаллон сжалась над нами.

Киана приложила ладонь сначала к губам, затем к сердцу – традиционный знак поклонения и благодарности богине.

– Рут? – Лэа присела на скамейку рядом с девочкой.

Худенькая, с острыми плечиками и голубыми глазами, светло-золотистой кожей и прямыми соломенными волосами, заплетенными в две толстые косы, как подобает девице, не вошедшей в возраст зрелости, она чем-то напоминала восточную эльфку. Лэа не сомневалась, что без малой толики примеси эльфьей крови здесь не обошлось. Согаден, приближенный к эльфьим границам, кишел такими связями.

– Ты помнишь меня?

Рут кивнула.

– Еще бы. Это не ты тогда спасла меня из пожара, победила Тормала на ежегодном аурумском турнире воинов, а затем и вовсе оборонялась от пятнадцати стражников, пытавшихся выдворить тебя из города?

Лэа хмыкнула.

– А я уже и призабыла подробности.

– Все готово, – Киана вытерла руки сухой тряпицей. – Дождемся только Гурта. – Она весело подмигнула. – Впрочем, ждать осталось недолго. Почему бы нам не скрасить это время чем-нибудь...

С видом фокусника она выудила откуда-то из-под стола запотевший кувшин с плескавшейся в нем янтарной жидкостью.

– Медовуха лучших согаденских пивоваров, выдержанная в специальных погребах.

Лэа улыбнулась.

Киана ловко наполнила два прозрачных стеклянных стакана, мгновенно запотевших снаружи.

– Сходи погуляй, Рут. – Киана ласково погладила дочь по головке и сунула ей в ладошку медную монетку.

Лэа отхлебнула немного искрящейся холодной жидкости.

– Ты все еще ищешь его, да? – спросила Киана, присаживаясь рядом.

Лэа крепче сжала в руке кружку, но спокойно ответила:

– Да.

Киана немного помолчала, потом сказала:

– Знай, что мы всегда будем рады тебе, после всего, что ты для нас сделала...

Она коснулась руки девушки.

Комната для Лэа подернулась дымкой воспоминаний.

– Не ходи туда, ты не сможешь! – крикнул ей кто-то.

Рядом кричала, рыдая, женщина.

Несколько горящих стропил обрушились с грохотом, в небо взметнулись искры и столб дыма.

Дом горел, пламя уже перекидывалось на соседние строения, жадно пожирая их. На улицу высыпало полгорода, но все никак не могли найти воду.

Дом горел.

Пламя ревело, не подпуская никого на расстояние пяти ярдов.

Пламя лизало воздух, высовываясь в рушившиеся окна.

Пламя поедало деревянные балки, стены и перекрытия, обнажая черный остов дома.

Горячий, жирный от сажи воздух душил маленькую девочку, не успевшую выбежать из дома и испуганно убежавшую от огня.

Сейчас она плакала, выглядывая в горящие окна третьего этажа, и протягивала руки.

– Прыгай, прыгай! – кричали ей люди.

Девочка была слишком мала, и прыгать боялась.

Люди ждали.

Каждый боялся входить.

Она метнулась из толпы к дому. Вокруг ее тела было обмотано мокрое покрывало, закрывавшее лицо.

Быстро преодолев пять ярдов до дома, она ловко запрыгнула в одно из окон, которое тут же обрушилось, как только Лэа скрылась из виду.

В доме пахло гарью и сажой, глаза ел дым. Слева от нее обрушился потолок, покрывало задымилось.

Вперед. Вперед.

Лестница была средоточием огня. Пламя охватило ее со всех сторон, но все же это был единственный способ подняться наверх, и Лэа решила рискнуть.

Первые несколько ступеней были еще крепкими, следующие пять не представляли собой устойчивого зрелища. Наверху слышался плач. Снаружи доносились крики женщины. Все это подстегивало Лэа, не давая медлить. Собравшись и сгруппировавшись, Лэа резко распрямилась и, подобно пружине, полетела вперед. Этому прыжку, как и всему остальному, ее обучили в Логе Анджа. Лестница обрушилась. Наверху дыма и огня было еще больше. Половицы угрожающе прогибались под ногами. Лэа шла, затаив дыхание. Она слышала лишь треск огня и досок. Плач стих. Медленно, она приблизилась к окну, ожидая увидеть там лишь маленькое обгоревшее тельце.

Девочка была там.

Розовощекая, черноволосая, лет пяти от роду, она размазывала по лицу слезы.

Огонь уже принялся за ее одежду, но девочка была целохонька, хоть и в состоянии шока. Лэа сдернула с себя мокрое покрывало и обернула им девочку, одежда которой задымилась от прикосновения к мокрому покрывалу. Лэа подхватила ее на руки и метнулась к лестнице. Один неосторожный шаг – и пол с ревом осел, разбрызгивая искры и капли огня. Провал был слишком большим, чтобы она преодолела его с ношей, перебросить же девочку она не могла.

– та была без сознания. Лэа начала бояться, что опоздала и малышка задохнулась от дыма. Дым ел ей глаза и забивал нос, разглядеть что-либо не было никакой возможности. Она метнулась назад, к окнам, рассчитывая выпрыгнуть. Шанс приземлиться целой был невелик, но все же...

Но ход к окнам она найти не могла: серая едкая пелена заволокла все равномерным слоем. Под ногу Лэа подвернулась осевшая половица и та с грохотом упала, задев что-то на своем пути. Этим что-то оказался шкаф, дверки его распахнулись с тяжелым стоном, и на Лэа вывалилась целая куча тлеющей одежды. Быстро, не раздумывая, она связала из более-менее уцелевших вещей веревку и обвязала ее вокруг пояса девочки.

Дым судорогой свел легкие. Лэа закашлялась, выплевывая гарь и сажу, попавшие в рот.

Быстро вернувшись к лестнице, она стала вспоминать свой маршрут, чтобы выйти к окнам.

Внизу снова закричала женщина. Именно ее крик помог Лэа найти путь к спасению. Она перегнулась через горящий проем и спустила веревку вниз, после чего прыгнула сама, но в последний момент окно рухнуло, и профессиональный четко выверенный прыжок превратился в падение. Она сильно ударилась о брусчатку спиной и от боли потеряла сознание.

Очнулась она уже ближе к вечеру. В комнате горел мягкий оранжевый свет, все предметы отбрасывали громадные черные тени. Спина не болела, но, к своему ужасу, она вдруг поняла, что не может пошевелиться. Отбросив все лишние мысли, она попыталась пошевелить пальцем ноги.

Не вышло.

Из всех своих органов, она могла шевелить лишь головой и частично пальцами руки.

Над ней склонилась какая-то женщина. Лэа смутно припомнила, что именно она кричала. Значит, ее приютили родители спасенной девочки.

Во рту было очень сухо и горько. Накатил приступ головной боли.

Лэа закрыла глаза, погружаясь в мягкие объятия забытья.

– Нет, Киана. – Лэа крепко сжала ее теплую мягкую ладонь. – После всего, что вы для меня сделали...

Так они и сидели, негромко переговариваясь и обмениваясь воспоминаниями, пока в дом, пыхтя и отдуваясь, не ввалился Гурт.

– Лэа! В город заявили двое: восточная эльфка и воин с синими глазами. Они ищут тебя. Представились как Райт рент Крайген и Акфилэ... Акфилэ... – Гурт сморщился. – Ну не запоминаю я эти мудреные эльфьи имена! Тебе они о чем-нибудь говорят?

Лэа слегка отвела взгляд. Сердце подсказывало ей сказать правду, разум предлагал солгать.

– Нет. Они для меня ничего не значат, – сказала она.

Это была правда, но только отчасти: она всеми силами старалась выкинуть из головы свою мимолетную слабость, но обида, нанесенная Райтом, была слишком свежей.

Гурт скользнул по лицу Лэа проницательным взглядом, но промолчал. Вместо этого он стащил сапоги, делясь последними новостями.

– В город прибыла делегация аурумских стрелков на соревнования, говорят, среди них будут даже Рикша и Эльда Светлая. Еще приехал какой-то странного вида полуэльф, якобы

привезший диковинных зверушек для ярмарки. На самом деле он пытался незаконно провезти в город драконьи яйца. К этому делу пришлось подключить ирханта, и полуэльфа заключили под стражу до суда и вынесения приговора. Ходят слухи, что он уже не раз таким образом провозил контрабанду. Чертовы эльфы опять вмешаются, не дадут судить этого по совести! Они неистово кидаются на защиту любого, в ком есть хоть капля крови эльфьего народа. Конечно, без нас эльфам давно грозило бы вымирание. Хотя, если честно признаться, та эльфка, что явилась сегодня за тобой, была чересчур похожа на эльфку. Таких чистокровных я еще не встречал.

– Она знатного рода. Из Кан Д’Иара, – пояснила Лэа и тут же прикусила язычок.

– Ты же их не знаешь, – насмешливо сказал Гурт.

Лэа залилась легким румянцем, но стойко выдержала взгляд Гурта.

– Так уж и быть. С недавних пор я путешествую не одна, вчера мы сильно повздорили, я собрала вещи и покинула лагерь.

Она глядела на Гурта с вызовом, ожидая осуждения. Но тот лишь вздохнул, покачал головой и похлопал ее по спине.

– Годы идут, а ты не меняешься, Лэа. Все та же.

– Такова моя натура. – Она слегка улыбнулась. – Но Согаден меняет меня совершенно.

Скоро ли ярмарка?

– Завтра вечером, – машинально ответил Гурт, уставший давать этот ответ сотням и тысячам зевак. – Нам всем нужно будет хорошенько отдохнуть перед ярмаркой. Визами, наша столица, отправила какой-то сюрприз нам...

Этот день был ни с чем не сравним. Он плавно перетек в ни с чем не сравнимую ночь. Она лежала на настоящей кровати, укрытая тонкой простыней. Окно было распахнуто. На чернильно-синем небе горели холодные кристаллы звезд. Окна выходили на север, поэтому она видела загадочно поблескивавшую Нить Ариадны. Такими темно-синими бывали и глаза Райта, когда он был сильно не в духе.

Райт...

Почему она вдруг его вспомнила?

Настроение испортилось.

Он ее предал. Она слишком поддалась его влиянию, слишком доверилась. Она впустила его в свою душу дальше, чем кого бы то ни было.

И все равно, несмотря на то, что она пыталась его ненавидеть, перед глазами снова и снова возникало его смеющееся смуглое лицо. Лэа в сердцах ударила подушку.

Что бы это случилось с ней? С Лэа ун Лайт, прошедшей школу Логи Анджа, проведенной два года в гномьих подземельях, исколесившей весь мир!..

Она видела все: и войны, и перемирия, и смерть, и жизнь, и ненависть, и любовь...

Она участвовала в гномьих войнах, присутствовала на заключениях перемирий. Она убивала, она дарила жизнь врагам.

Она ненавидела.

Но она не любила...

И вот сейчас, лежа в темноте среди подушек и глядя в распахнутое окно на свинец неба, Лэа не могла поверить, что это случилось. Она не могла поверить в то, что влюбилась.

Она не могла – впервые в жизни! – проанализировать свои чувства и выбросить их из головы. Мысли снова и снова возвращались к нему.

К Райту.

Все попытки думать о мести, о человеке в Волчьей маске были тщетными. Мысли текли очень плавно, и не задерживаясь. Хотелось рассмеяться неизвестно чему, петь, танцевать, отбросив все лишнее. Как лесные дриады.

Она улыбалась, совсем не зная о том, что сейчас последняя ночь Иджиная, ночь языческой любви...

Когда-то давно, семь лет назад, молоденькая девушка, на долю которой выпали тяготы, что не каждый взрослый преодолет, высадилась к каменному подножью Логи Анджа. Остров не был к ней дружелюбен.

Ей пришлось много раз доказывать свое право учиться здесь воинскому мастерству. Лога Анджа не признавала расовых и половых предрассудков, но учиться здесь мог не каждый – многие не выдерживали.

Ей пришлось учить все заново, в том числе и календарь. Жившая ранее по лунному, здесь она учила эльфий, включавший в себя 365 дней, разделенных на 12 месяцев.

Отсчет начинался с середины зимы, с месяца Яэтэнура, означающего у эльфов Цитадель Холода.

За ним следовал Форнал, месяц ветров и изменчивости.

В первый день Мээла люди праздновали окончание холодов, жгли костры, изгоняя зиму, и приносили дары солнцу.

В месяц Ахлы начинался крестьянский севооборот. Кончались запасы, припасенные на зиму, и наступала пора посевов и полевых работ. В этот месяц особенно усердно возносились молитвы и дары богиням урожая – Сэтне и Полеке.

Мальтэн – это месяц того времени, когда Элатея тонет в цветах и растительности, стремящейся к солнцу. Мальтэн – это месяц плодородия и любви.

В Иджинае есть ночь, которую боги назначили под языческую любовь. Последний день Иджиная – это день без предрассудков, день, когда все друг перед другом равны, когда королевская дочь может снизойти до простого нищего и быть с ним, потому что эта ночь принадлежит любви.

В ту ночь, когда ушла Лэа, Райт спал плохо. Ему снилась Кариби, захлебывающаяся кровью, Лэа, идущая по полю с мертвыми цветами. Глаза ее горели, как черные звезды, бледная кожа с тонким изгибом шрама сияла неестественным светом. «Как ты мог? – говорила она ему. – Я доверилась тебе. Ты был первым человеком, кому я доверилась, уйдя из гномьего города. Ты был для меня больше чем другом, ты был...»

Голос ее сорвался, глаза закрылись, она начала медленно таять в воздухе, шепча одно только слово. Райт пытался поймать ее, удержать, но его руки проходили сквозь Лэа, будто она была тенью, бесплотным духом, мерцающим так близко и так далеко.

Райт проснулся резко, встал. На языке и уме вертелось одно только слово. Райт понимал, что она бы никогда не призналась в этом даже себе. В Элатеи сны не считают дурацкими фантазиями перепивших людей. Сны всегда кто-то посылает, вольно или невольно. Он был уверен, что в этот раз она послала ему сон, возможно, сознательно, а возможно, просто думая о нем. Во сне, в ее пламенной речи проскользнуло слово: Согаден.

– Акфилэ? – Райт растолкал спящую эльфку. – Я знаю, где она.

Глава X: Неожиданная встреча

– Ты должна надеть его! – упрямо повторяла Рут.

Гурт и Киана уже давно махнули на нее рукой, но Рут продолжала стоять на своем.

В руках у нее была легкая льняная рубашка, ворот, рукава и подол которой были красочно расшиты цветными нитками. Киана, Рут и Гурт уже переоделись к ярмарке, но Лэа делать этого не желала.

– Нет! Я не буду это надевать.

Рут насупилась. Передернула своими худенькими плечиками.

– Почему?

– Не хочу.

– Но это ярмарка.

– Да хоть бал. Я сказала: нет.

Лэа схватила свой меч и перекинула перевязь с ножами через голову. Единственным человеком, который смог уговорить ее сменить костюм, был Хьял.

– Идем, – бросила Лэа, быстро сбежав вниз по ступенькам.

Вечерело. Было немного прохладно. Воздух освещался разноцветными огоньками фонариков сделанных в виде цветов и наполнялся ароматом роз, в изобилии выращиваемых в Согадене. Дышалось легко и свободно. По мере приближения к главной площади, на которой должна была проходить ярмарка, усиливалась громкость цветного многоголосья.

Лэа шагала легко и свободно, меч слегка раскачивался при ходьбе, закрепленный на спине.

Она распустила волосы, и те заструились по спине сине-черными змеями, закрывая ее оружие от любопытных глаз.

Райт устало потер глаза. Найти Лэа не представлялось возможным. Согаден – не Агниэт. Он гораздо больше. Если она здесь, то затерялась среди сотен тысяч людей. Город тянулся с севера на юг вдоль границы Аурума и нейтральных земель на тридцать тысяч футов.

По меркам Элатеи Согаден был огромен.

Единственной надеждой была ярмарка. Стражник у ворот сказал, что в городе сегодня празднество, поэтому пошлина на въезд в город повышена.

Немного поворчав, Райт добавил несколько лишних монет и вместе с Акфилэ въехал в погружающийся в сумерки город.

Несмотря на то, что время было еще раннее, площадь была переполнена и весела до невообразимости. Здесь были все: фокусники, торговцы, лоточники, цветочницы, животные, трубадуры, клоуны, акробаты, плотатели огня, танцовщицы, воины и многие другие.

Друида с шелковой седой бородой окружили молодые люди, бросающие завистливые взгляды на дриаду с огненными волосами, которую он привез с собой. Дриада была полунагая и абсолютно невозмутимая. Несколько стражников рядом вголковывали старцу, что появление на ярмарке с существами, похожими на людей, да еще и обнаженными, запрещено. В ответ на это друид упрямо качал головой и заявлял, что его дриада одета.

«Ага, – хмыкнула про себя Лэа. – Если считать одеждой набедренную повязку и

длинные волосы...»

Она пошла дальше.

При виде спектакля о драконе и благородном рыцаре болезненно сжалось сердце, и она поспешила дальше.

Немного смягчившись, она купила Рут посыпанный сахаром пряник.

– ...может только он!!! – уловила она краем уха. – Этому фокусу он учился в Логе Анджа на протяжении десяти лет!..

Лэа обернулась. Что за чушь? Да, конечно, она прошла школу Логи Анджа за три года, поставила своеобразный рекорд, но десять лет...

Она протолкнулась к помосту, возле которого надрывал голос здоровенный бородатый детина, позванивавший объемистым мешочком.

Бросив на помост быстрый взгляд, она сразу же поняла, в чем дело. Там было длинное, тусклое блестящее лезвие, в остроте которого не приходилось сомневаться.

Бородатый детина бросил перышко, и оно, не задерживаясь, легко упало по обе стороны лезвия, разделившись на две части.

Любой выпускник Логи мог пробежать по такому лезвию за считанные секунды туда и обратно поступью ки-ар, и нет в этом ничего фантастического и необычного. Больше ее интересовало то, кто же решил выступить?

Немного поодаль от детины спиной к Лэа стоял высокий бронзовокожий мужчина в обтягивающем трико с гривой огненно-рыжих волос. Что-то в его осанке показалось Лэа знакомым, и ей захотелось, чтобы он повернулся к ней лицом.

– Лейс! – крикнул детина. – На помост!

У Лэа перехватило дыхание.

Лейс...

Парень вспрыгнул на помост и обвел своими ореховыми глазами всех присутствующих.

Замер на краю лезвия, раскинул руки и, танцуя, легко побежал вперед. Затем круто развернулся, играя мускулатурой, заложил руки назад и медленно, на цыпочках – шаг вперед и два назад – пошел обратно. Когда он добрался до середины лезвия, то выгнулся назад мостиком, и, бородатый детина завязал ему глаза плотной черной лентой.

Акробат встал на место, и некоторое время стоял, слегка раскачиваясь.

Лэа не видела всего этого.

Лейс здесь. Он так близко, что она может дотронуться до него. Она чувствует запах его огненных волос и видит переливы бронзовой кожи. Память мгновенно вернулась назад...

Лэа неловко присела на краешек жесткой деревянной кровати, накрытой тонким холщовым одеялом, когда за масэтром, принявшем ее с корабля, закрылась дверь. В голове по-прежнему звучал его голос: «Испытание завтра, и помни: главное не то, что ты думаешь, а что чувствуешь...»

– Привет! – окликнул ее веселый звонкий голос.

В комнату заглянул рыжий пятнадцатилетний паренек, в выговоре которого безошибочно угадывался житель Соллоса.

– Привет.

– Ты новенькая, да? – Он зашел внутрь и прикрыл дверь. – Меня зовут Лейс кир Маклайх. Моя комната рядом с твоей.

– Лэа ун Лайт.

Лейс взял ее протянутую руку и галантно поцеловал, заставив Лэа тем самым смущенно заалеть.

– Я здесь уже полгода. Скоро мне назначат главное испытание. – При этих словах паренек гордо улыбнулся.

На его потертom кожаном ремне болтался здоровенный стальной меч превосходной остроты. На бронзовых руках юноши виднелось несколько белых шрамов, и Лэа невольно подумала о своем едва схватившемся уродливом рубце.

Лейс достал из ножен меч и плавно провел им по воздуху.

– Ух, ты... – невольно вырвалось у Лэа.

Лейс улыбнулся и спрятал меч обратно в ножны, после чего присел на край кровати рядом с Лэа.

– У тебя тоже будет такой. Только намного легче и меньше, ты же девчонка. Но сначала тебе выдадут деревянный.

Глаза Лэа сверкнули черными звездами.

– Нет. Я не нуждаюсь в маленьком и легком мече, который будет легко перерублен более сильным. Я сразу возьмусь за стальной, обходя деревянный, и не потому, что я девчонка.

В глазах Лейса промелькнуло удивление и даже, кажется, восхищение.

– Сегодня тебе нельзя будет выходить отсюда, – сказал он уже совсем другим голосом. – Но завтра, после испытаний, жду тебя на подвесном мосту.

С этими словами Лейс быстро вскочил и скрылся за дверью, лишь мелькнули огненной волной его рыжие волосы.

– Завтра, на подвесном мосту, после испытаний... – вслух повторила Лэа.

...Лейс стал ее лучшим другом и оставался им всегда, пока они не разлучились – Лейс остался в Логе Анджа, а она отправилась на совершение мести.

Лейс спрыгнул с помоста, кланяясь. О деревянный настил зазвенели деньги, которые метал зрители, бывшие в восторге от выступления гибкого акробата.

Лэа протолкнулась к помосту. Лейс стоял к ней спиной.

«Пожалуйста, повернись... – думала она».

Лейс легко и плавно поворачивался, раскланиваясь зрителям и ловя на лету монеты, от чего зрители приходили в еще больший восторг.

Его глаза изумительного орехового оттенка улыбались неповторимой лейсовской улыбкой.

Лэа подошла ближе и слегка дотронулась до его обнаженной разгоряченной спины.

– Вы что-то хотели, ми-сади? – спросил он, обернувшись.

Она улыбалась, наблюдая, как его лицо медленно вытягивалось.

– Быть этого не может... – прошептал он. – Лэа, неужели это действительно ты?..

Она слегка кивнула, по-прежнему не в силах что-либо сказать.

– Я искал тебя, – хриплым голосом сказал Лейс. – Я искал тебя все это время.

Он порывисто обнял Лэа.

– Ты не убежишь от меня в этот раз. Я отправлюсь с тобой хоть на край света... о, великая Эаллон! Как я счастлив, – говорил он, по-прежнему сжимая девушку в объятьях.

– Лейс! – раздраженно воскликнул бородатый детина. – Продолжаем выступление!

– Эхнат! Ты не понимаешь! Это же Лэа ун Лайт! Она лучшая из выпускниц Логи Анджа!

Она ищет...

Лэа болезненно наступила Лейсу на ногу.

– ... лучших бойцов Элатеи, чтобы сразаться с ними, доказывая свое воинское мастерство! – во время подправил свою речь Лейс. – Я предлагаю соревнование!

– Лейс! – возмущенно крикнула Лэа. – Какое соревнование?!!

Но он не слушал и уже тянул ее за собой на помост.

Зрители ревели, приветствуя новую акробатку.

– Ну ладно... – лукаво сказала Лэа. – Сам напросился.

Она расшнуровала ботинки и легко вспрыгнула на лезвие. Она должна была сделать что-то такое, чтобы побить Лейса, что он не смог бы повторить.

Внезапно ей пришла в голову бредовая идея, и она пожалела, что не надела легкую расшитую рубашку, которую ей так настойчиво предлагала Рут.

– Менестрель! – крикнула она ближайшему барду. – Музыка!

Она не умела танцевать, но сегодняшней вечер что-то изменил в ее сознании.

Она танцевала. В первый, а, возможно, и в последний раз в жизни. Она сливалась с песней, плавно двигаясь в такт и покачиваясь на волнах музыки.

Лэа улыбалась. Улыбалась Лейсу, который смотрел на нее с восхищением, и в глазах его все читалось, как в открытой книге, улыбалась восхищенным зрителям, бородатому детине, хмурившемуся новой выходке Лейса, улыбалась маленькой Рут, улыбалась самой себе и всплывшем в сознании родителям, Таир, Райту, Акфилэ...

Музыка стихла, повиснув на дрожащей ноте. Лейс подал Лэа руку, помогая спуститься с помоста под громовые аплодисменты зрителей. Лэа с удовольствием отметила, что ей аплодируют не менее громко, чем Лейсу, значит, навыки она не потеряла.

– Ты восхитительна, – Лейс не мог скрыть восхищения. – Нет, правда, ты необыкновенная. Я уже много лет путешествую, но еще ни разу не видел девушки, которая превосходила бы в чем-то тебя.

– Лейс...

– Нет, послушай. Я вижу, ты сильно изменилась, с тех пор, как ушла. Но я остался прежним. Я такой же, как и семь лет назад. Тогда, в день нашего расставания...

– Лейс, – прервала она его решительным голосом. – Все, что было между нами, было прекрасно. Но это было давно. Ты по-прежнему дорог мне, и я очень хочу, чтобы ты отправился вместе со мной... но пусть наши отношения останутся крепкой дружбой...

– Ты все еще ищешь его, Лэа?

Она кивнула и опустила глаза.

– Я видел его.

– Что?! – Она резко вскинула голову, непроизвольно схватившись за рукоятку меча. Волосы взметнулись сине-черной лавиной, обнажая серебряную рукоятку и часть великолепного лезвия.

– О, Лэа... Так ты добыла его? – выдохнул Лейс.

– Есть много вещей, которые нам надо обсудить.

Она потащила его в сторону, в небольшую ярко освещенную таверну, с большой красочной вывеской, на которой был изображен аппетитный кусок свинины на белом блюде, украшенный зеленью с поднимающейся струйкой дыма.

Бросив трактирщику монету, чтобы не беспокоил, Лэа увлекла Лейса за самый дальний полутемный столик.

– Рассказывай, – велела она, выкладывая меч на стол. – Я не могу ждать не минуты.

Лейс глубоко вдохнул, собираясь с мыслями.

– Полгода назад, может быть, чуть больше, я вместе с Эхнатом направлялся на роккамском корабле в Соллос с одним почтенным мореплавателем. Мы купили лучшую каюту, поэтому не ходили на ту часть корабля, что отдана беднякам и наемникам. Но в самую свою первую ночь, когда я еще плохо ориентировался на корабле, мне понадобилось выйти по малой нужде, и я случайно забрел на ту часть корабля, где путешествовали наемники. Там, в кругу света масляной лампы, сидели несколько человек. Они передавали из рук в руки большую кожаную флягу, увитую ремешком. Они разговаривали. Один из них сидел ко мне спиной, и на затылок у него была сдвинута волчья маска с ощерившейся пастью. Волосы у него были темные, фигура мощная, голос тяжел и нетороплив. Собеседники называли его Джером. Они говорили... – Лейс закрыл глаза, вспоминая разговор, шедший той ночью. – Они говорили, что Лога Анджа просто сборище глупцов и неумех, раз они отказали Джеру. В чем – я не знаю.

Лэа скользнула взглядом по татуировке Лейса – те же синие скрещенные мечи, перевитые раздвоенным языком.

– Ему нужен был статус... возможность получать больше денег, требовать от господ большую плату... когда его спросили, что он теперь будет делать, Джер сказал, что хочет навестить своих родителей в Соллосе. Мать и младшего братишку. Оставить им монет. Он сказал, что их развалившаяся хижина на реке Люс никуда не годится, поэтому он выкупит им дом в Мистурге, а затем отправится вниз по реке в Мистург, наемничать.

– Он не говорил имена родителей?

Лейс покачал головой.

– Я не помню имени его брата, но мать звали Таир...

– Что??? – Лэа вскочила так, что на нее уставилось полтаверны.

– ... вай Листаун.

Лэа тяжело дышала.

– У него не может быть семьи. Ни матери, ни брата... он не человек, он лютый зверь... и тем более его мать не могут звать Таир...

Она села и спрятала лицо в ладонях, пытаясь уйти от образа, всплывшего в памяти: из маленького приоткрытого рта Таир стекает струйка ярко-алой крови, капает на деревянные половицы и собирается в маленькую пурпурную лужицу.

– Завтра, на рассвете, мы отправимся с тобой в Кан Д'Иар. – Она подняла руку, предупреждая вопрос Лейса. – А сейчас я хочу отдохнуть.

Лейс взял ее за руку.

– Пойдем. Я покажу тебе столько всего интересного, что тебе и не снилось.

– Нет, Лейс. Я устала и хочу побыть одна... – голос ее был мягким и кристально чистым, звенящем в этом шумном и веселом воздухе.

Она потянула Лейса за собой, и нос к носу столкнулась с только что зашедшими в таверну Райтом и Акфилэ. Некоторое время она смотрела на него, не узнавая.

– Ты?.. – наконец смогла вымолвить она.

– Лэа... – у Райта от неожиданности пропал дар речи. – Я так хотел тебя найти. Мне очень жаль, правда, я...

– Замолчи. – Глаза ее превратились в узкие щелки. – Я не желаю слушать тебя.

– Я должен сказать тебе...

– Нет. Уходи.

– Лэа, послушай же...

– Я сказала: уходи.

Она схватила Лейса за руку и потянула к выходу.

– Я видел его! – в отчаянье крикнул Райт. – Здесь, на празднике.

Она замерла, превратившись в каменное изваяние и медленно, как во сне, обернулась к Райту, на лице которого было написано отчаянье, граничащее с безумием.

– Он был в маске, с луком из черного дерева, в кожаной куртке с металлическими накладками, в потертых наручах и с двуручным мечом...

– Ты лжешь... – тихо сказала Лэа. – Ты специально говоришь мне то, что я хочу слышать... пойдём отсюда, Лейс.

Медленной походкой она скрылась в толпе. Райт кинулся за ней, но Акфилэ придержала его за руку.

– Подожди. Не время. Она все обдумает и придет. Вот увидишь.

– Нет, – Райт едва узнал свой собственный, ставший вдруг чужим, голос. – Она завтра же покинет город. Она отправится к восточным воротам и дальше, в Кан Д'Иар. Я знаю это. И я пойду за ней...

Глава XI: Путешествие втроем.

Кариби шагала медленно и степенно, пользуясь задумчивостью и грустью хозяйки. После сегодняшнего взбалмошного утра у Лэа не было сил ни злиться, ни кричать, ни даже разговаривать.

Она ехала впереди всех, рядом с ней – Лейс, на прекрасном гнедом жеребце. Чуть позади ехали тихо переговаривавшиеся Райт и Акфилэ. После криков, ссор, уговоров и даже угроз, она все-таки согласилась взять Райта с собой, да и проводник до Кан Д'Иара был нужен. Сегодня утром Райт поймал выезжавших из города Лэа и Лейса и сейчас был в легкой тревоге. Ему было не понятно, кем был этот рыжеволосый крепкий мужчина и, самое главное, что он значил для Лэа. По легкой и непринужденной беседе, которую вели Лэа и Лейс, Райт решил, что они старые друзья. Немножко понаблюдав за Лейсом, он отметил характерные поведенческие черты выпускника Логи Анджа. Райт очень хотел спросить Лэа, что же рассказал ей про Джера этот парень, слегка раздражавший Райта.

Внезапно Лэа приостановила Кариби, знаком попросив Лейса двигаться дальше. Она подождала, пока Райт поравняется с ней.

– Надо поговорить, – серьезно сказала она, и тон ее не предвещал ничего хорошего.

Райт кивнул.

– Я слушаю тебя.

Она немного помолчала, как бы выбирая, с чего начать.

– Тогда, у озера Анаре Хаэл. Ты сказал, что у Джера осталось что-то твое...

– Да, это действительно так.

– Что это?

Райт помедлил.

– Ты не веришь в такие вещи...

– Тем не менее я хочу знать...

– Это карта. Карта к замку Ариадны и Аэлины, величайших волшебниц мира Элатеи. Я был занят поисками и одержим идеей вернуть в Элатею магию, которая ушла неизвестно почему. Я расследовал причины и пытался установить контакт с эльфами, друидами, королями... разыскать причины или хотя бы поймать их за хвост. Мне удалось найти карту, которая более полутора веков пролежала в далорских архивах. Я выменял эту карту на пару увесистых самоцветов, но не успел ее как следует изучить.

– Если Джер интересуется такими вещами, то карта, не спору, у него, но если нет?..

Райт передернул плечами.

– Попробовать надо.

И, немного помедлив, спросил, кивком указав на Лейса:

– Кто это?

– Лейс кир Маклайх, – машинально ответила Лэа. – Мой лучший друг на протяжении двух лет, что я училась в Логе Анджа.

– Но почему он едет с нами? – продолжал допытываться Райт.

– Потому что я этого хочу, – отрезала Лэа.

– Ты очень красиво танцуешь, – мягко сказал Райт, и Лэа от неожиданности вздрогнула. – Я видел.

– Это был не танец.

– Нет?

– Это ки-ар.

– Ки-ар?

– Искусство управлять всем.

– Как это?

– Ки-ар – это скрытые возможности человека. Все, что он может и чего он не может. Мало кто понимает, что означает ки-ар. На самом деле ты сможешь пользоваться им, только когда почувствуешь, что это. Тогда, если ты дышишь ки-ар – ты сможешь задержать дыхание на сколько угодно, погрузившись в транс. Если ты бежишь ки-ар – ты не упадешь, и сможешь бежать сколько угодно. Если ты плывешь ки-ар – ты держишься на воде очень долго. Если ты сражаешься ки-ар – ты непобедим. Но есть маленькое но... их очень сложно совмещать. Нужно настроиться ки-ар. В Логе Анджа это было просто, если масэтры знали, что один из выпускников настраивается ки-ар, то в замке царила тишина. Настроиться ки-ар можно путем медитации, очистив разум от лишних мыслей. Это очень сложно...

– Сколько раз в жизни ты полностью настраивалась ки-ар?

– Три. Один раз, когда шла за драконьим яйцом, второй – прыгая в пропасть по приказу масэтра Аллива, третий – когда выпускалась из Логи Анджа.

– И собираешься делать это еще?

– Да. Когда найду его.

Она ударила Кариби пятками в бока, и та припустилась рысью.

Через некоторое время Райт нагнал ее, и поехали все рядом, ровной линией.

Райт не мог отвести от Лэа глаз. Погода была жаркая, поэтому она разделась, оставшись в легкой, до колен, льняной рубашке белого цвета. Черные с синим, воистину королевским отливом, волосы рассыпались по худым загорелым плечам вьющимися змейками. Солнце скользило по этим потрясающим волосам, будто гладило и расчесывало их. Райт перевел взгляд на изящную шею, высокую грудь, тонкую талию и крепкие загорелые ноги, прочно упершиеся в стремя.

Лейс заметил его взгляд и усмехнулся. Он пришпорил своего жеребца, перегораживая дорогу Райту, и пропуская вперед девушек.

– И давно ты так на нее смотришь? – прямо и без обиняков спросил Лейс, когда Лэа с Акфилэ отъехали на приличное расстояние.

– Ты о чем?

– О Лэа. Думаешь, я не вижу, как ты на нее смотришь?

Райт поднял брови.

– Это тебя не касается.

– Еще как касается, – с угрозой сказал Лейс.

– Я понятия не имею, кто ты такой и откуда взялся, – раздраженно сказал Райт. – Я не знаю, зачем она позвала тебя с собой. И было бы гораздо лучше, если бы ты развернулся и ехал в другую сторону. Я не собираюсь ее с тобой делить.

– Неужели? – Лейс расхохотался. – Она не вещь, чтобы ее делить. Пусть Лэа сама выберет лучшего из нас.

– Благодество... – насмешливо сказал Райт. – Не думал, что оно свойственно таким, как ты...

– Как я?

– Наемникам.

– А сам-то ты кто? – бросил ему в лицо Лейс. Нельзя презирать наемничество. Лэа ведь тоже наемница. О чем можно говорить?

– Я знаю, кто я, и я знаю кто она. И кем она не является, так это наемницей. – Райт вскинул голову и прищурил синие глаза, сквозившие неприязнью. – Ты видел хоть раз, как она убивает? Не думаю. Ведь ты знал ее юной девушкой, учившейся воинскому искусству. С тех пор она снесла своим мечом не один десяток голов. Я не могу сказать, что смерть доставляет ей удовольствие, но когда она сражается или убивает, то в ней проступает Джер. Это не блеф, я видел.

И Райт припустил Лотоса галопом.

– Я этого так не оставлю, – вполголоса проговорил Лейс.

Жара была просто опустошающей. Стояли первые дни Ийсутэля, второго месяца лета по эльфьим календарям, и Акфилэ живо рассказывала Лэа о традициях эльфов по встрече летнего солнцестояния, происходящего в первое полнолуние Ийсутэля.

– Три эльфки за неделю до праздника ткнут большое полотно из тонкого как паутинка льна, для того чтобы потом этим полотном укутать статую Эаллон, которую вырежут из дерева три эльфа. Они работают обнаженными, посреди леса, чтобы находиться в полной гармонии с природой и распевают песни в хвалу Эаллон. Одна из эльфов тклет, другая прядет тончайшую нить, а третья собирает по лесу нити редчайшей травы альтоманьора, сверкающие лишь при лунном свете, которые затем вплетает в полотно.

А тем временем юноши ищут самое стройное и красивое дерево дьорамэны, чтобы испросить благословения на удачную работу. Если дьорамэна зашумит листьями и издаст серебристый шум, значит, сестры-дриады благословили ее на то, чтобы быть статуей Эаллон. Не сходя с места, юноши-эльфы начинают старательную и кропотливую работу резки по дереву, и вскоре на его месте появляется красивая женщина-богиня, воздевшая ли руки к небу или скромно сидящая на камне. Они украшают ее тело листьями, а волосы цветами, запястья ног и рук обвивают змейками браслетов из тоненьких веточек.

Там, где стоит статуя, и будет проходить празднование. В полночь, когда восходит величавая полная луна, три эльфки набрасывают на обнаженные плечи и тело богини серебристое покрывало, сияющее как звезды, и возносят Великой Эаллон молитвы. Затем начинается пиршество, к которому сходятся все обитатели леса – наяды, дриады, нимфы, сирены, если рядом течет река, – эльфы рады всем. Если есть влюбленные на этом празднике, а они всегда находятся, то великая Алэтана, да осияет ее лунный свет, благословляет и соединяет их узами любви, Veere Melme.

– Узами любви? – переспросила внимательно слушавшая эльфку Лэа. Оказывается, она и половины не знала про эльфов.

– У эльфов нет такого явления, как замужество. Влюбленные находятся рядом друг с другом, пока их любовь сияет ярким пламенем. Это связывает крепче всяких печатей и обещаний. Они любят друг друга всю свою жизнь, благословленные милостью королевы, эльфы, как правило, однолюбы.

– Как правило?

– Встречаются и такие, кто может любить по многу раз. Это эльфы, в дальнем или близком родстве состоящие с людьми. Достаточно одной капли человеческой крови, и эльф уже не сможет жить по законам природы и в гармонии с ней. Но бывает и наоборот. Человеку достаточно одной капли эльфьей крови, чтобы любить один раз и на всю жизнь.

– А ты?

Акфилэ улыбнулась грустной улыбкой.

– Я эльф чистой крови.

Она показала тонкое запястье, обвитое татуировкой, как браслетом, узором изящных листьев.

– Такие татуировки есть у всех эльфов чистой крови. Когда я уезжала вместе с отцом, мой возлюбленный обещал ждать меня. Даже если я вернусь глубокой старухой, он будет любить меня и ждать благословения королевы, да осияет ее лунный свет.

– Ты боишься?

– Нет, – по губам Акфилэ скользнула легкая улыбка. – Если он не ждет меня, значит, умер, но он жив, я это чувствую. И он ждет. Когда я вернусь, мы попросим благословенья у Алэтаны, праздник летнего равноденствия через три дня, я надеюсь успеть. Мне удалось послать Люксору, моему любимому, весточку, и я чувствую его. Он любит. И ждет...

Акфилэ погрузилась в свои мысли, и Лэа тоже. Она думала о том, что эльфом быть хорошо. Ты нежное и ранимое существо, живущее тысячи лет в полной гармонии с природой. Тебе не введома ненависть, ярость, обида, боль, ты любишь и ты любима. Ты не страдаешь от неразделенной любви... неразделенной... чееегооо?

Лэа встряхнулась. Такие рассказы действуют на нее негативно, слишком смягчают и расслабляют. Любовь не стоит того, чтобы отказываться от цели жизни... или стоит?

Она бросила на Райта быстрый взгляд. Ей очень нравились его синие, как чистейшие хаарские сапфиры, глаза. Ей нравились его жесткие темные волосы, поворот головы, уверенная походка, внимательный взгляд, быстрая речь...

Она была готова уступить, если бы он привлек ее к себе, пытаясь обнять, но он этого не делал.

Эй, о чем ты? Белый день на дворе, жарко, рядом Лейс, готовый растерзать всех за нее в мелкие клочья еще с Логи Анджа.

Она улыбнулась, вспомнив, как он чуть не вылетел со школы, когда вызвал на дуэль юнцов, посмеявших ее обидеть. Это был первый месяц ее обучения. Тогда она еще не умела постоять за себя.

Легкий вечер летнего дня всегда приходил на остров в сопровождении тяжелого звука гонга, висевшего на одной из самых высоких башен замка, и озвучивавшего вечернюю трапезу.

Режим здесь был непросто жесткий, он был невообразимо суровый, дисциплина была железная, по сравнению с ней устав королевской гвардии Роккома просто пергамент, испещренный детскими каракулями.

Каждый вечер, после удара гонга, все кадеты Логи должны были собраться в трапезной и, получив вою порцию еды, сесть за столы в строгом соответствии с определенными масэтрами местами.

После ужина кадеты имели полчаса свободного времени, чтобы завершить свои дела и в девять часов вечера отправляться спать, для того чтобы встать в пять утра и начать новый день с закаливания холодной водой, драконьим пламенем и острыми клинками.

Место в трапезной у нее было не совсем удачным. Ее посадили между двумя подростками шестнадцати лет, не очень довольными своей новой соседкой.

Лэа тоскливо поискала глазами Лейса и не нашла среди пестрой толпы кадетов.

Она взяла ложку осторожно, будто это была ядовитая змея, и аккуратно, будто вышивая, зачерпнула ею вкусно пахнущую кашу.

– Эй, ты! Девчонка! Кто тебя сюда усадил?

Лэа подняла глаза и встретилась с насмешливым взглядом карих глаз подростка, вальяжно развалившегося на скамье. На вид ему было лет шестнадцать-семнадцать, на подбородке и верхней губе пробивалась колючая темная растительность.

– Масэтр Аллив... – осторожно сказала она.

За те пару дней, что она здесь находилась, Лэа уже успела определить: она была здесь не единственной девчонкой. Или, как сказал кто-то из мимо проходивших кадетов, с которыми она сталкивалась в коридорах: единственной хорошенькой девчонкой.

Лэа отличалась от всех них сияющими черными глазами миндалевидного разреза, изящным изгибом губ и шеи, нежными руками, на которых в последствие будут пузыриться и лопаться кровавые мозоли. У нее были восхитительные густые иссиня-черные волосы, обрамляющие голову как королевская корона. Все это заставляло юношей обращать на нее внимание. Вот только не у всех реакция была такой, как у Лейса...

Сидящий напротив юноша изучал ее хитрым и жадным взглядом.

– Давно ты здесь?

– Второй день... – так же осторожно и немного застенчиво ответила Лэа.

– И нравится тебе здесь?

Лэа промолчала. В любом случае здесь было лучше, чем в опустевшем деревянном доме в Асенте. Силой ее сюда никто не гнал.

– Посмотрим, что ты скажешь после посвящения...

Кареглазый юноша и еще несколько сидящих рядом кадетов переглянулись и нехорошо усмехнулись. Больше никто из них не проронил ни слова.

Лэа торопливо доела кашу. Она уже заметила Лейса, стоящего у входа в зал и явно кого-то ждущего. Лэа выскочила из-за деревянной скамейки и бросилась к нему, боясь потерять из виду или того, что он уйдет.

Немного погодя она коснулась его плеча.

– Лейс...

– Лэа! – радостно воскликнул он. – Я рад, что ты не ушла. Я боялся, что опоздал и ты уже убежала.

– Я еще плохо ориентируюсь в замке. Проводи меня, пожалуйста.

Лейс кивнул и взял ее за руку, чтобы не потерять в толпе снующих туда-сюда кадетов.

Вверх по широкой лестнице, потом налево, пересекли просторную галерею, за окнами которой синело море, и алели нагроможденные друг на друга скалы.

– Это Лавовые зубья, – сказал Лейс, поймав ее взгляд. – Вечером, если долго не спать, можно увидеть отсветы огня, выдыхаемого драконами, а если повезет, то и самих драконов.

Он нырнул в боковое ответвление, отходящий от галереи и, петляя по переходам и поворотам, вывел ее в большой коридор с множеством деревянных дверей в каменных стенах.

Лэа узнала коридор. Здесь находились комнаты кадетов первого года обучения. Здесь она уже без труда нашла свою дверь, помеченную табличкой «Лэа ун Лайт, кадет 1 курса».

Лейс толкнул дверь, заходя внутрь.

В отличие от коридора, в котором гуляли сквозняки, в комнате было тепло. Освещенная светом факела, воткнутого в оскаленную драконью пасть, она была очень уютной.

– Ты не жалеешь, что приехала сюда? – вдруг спросил Лейс.

Лэа покачала головой.

– Нет. Я должна отомстить. – Набравшись смелости, она рассказала Лейсу, что заставило ее приехать сюда.

Как всегда, при воспоминании о Таир, из глаз брызнули слезы.

– Не плачь. – Лейс взял ее за руку. – Я всегда буду рядом.

Не выдержав, Лэа уткнулась лицом в бронзовое плечо Лейса. Худенькая спина сотрясалась от слез. Лейс гладил ее блестящие волосы и что-то нежно шептал на ухо.

Такой, как она была раньше, Лэа плакала последний раз в жизни. Вместе со слезами она изгоняла из себя ту маленькую, испуганную девочку, душу которой искалечил Человек в Волчьей Маске. Она излечивала себя от страха перед ним, оставляя место в душе лишь ненависти...

Она перестала плакать.

У этой Лэа слезы закончились раз и навсегда.

Лейс осторожно провел тыльной стороной ладони по мокрой от слез щеке Лэа и поцеловал в мягкие соленые от слез губы.

Лэа не сопротивлялась. В конце концов, Лейс ей нравился больше, чем те двое, сидевшие напротив нее в трапезной.

Внезапно она вспомнила кое-что важное.

– Лейс... что за посвящение я должна буду пройти?

– Посвящение? – Лейс нахмурился. – Не слышал, чтобы так называли испытания Права. Может ты что-то перепутала? Кто так сказал?

– Двое юношей, сидящие напротив меня в трапезной.

Лейс пожал плечами.

– Не знаю. Не нравится мне это... будь осторожна...

Что такое «посвящение» выяснилось позднее, когда Лэа легла спать. Спалось ей плохо, снилось тревожные и мрачные сны. В конце концов, она почувствовала, что дверь приоткрылась, и в комнату хлынул холодный воздух. Лэа открыла глаза, но в то же время рот ей зажала чья-то грубая мозолистая рука, и кто-то навалился сверху всем телом, мешая дышать.

– Пикнешь хоть слово, будет больно, – пообещал чей-то грубый насмешливый голос.

От страха тело сковало льдом. Лэа лежала не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Умница, – сказал все тот же голос.

Глаза Лэа постепенно привыкли к темноте, и она узнала кареглазого юношу, сидевшего напротив нее в трапезной. Щекой она ощущала его жесткую щетину и учащенное дыхание.

– Не дергайся, – сказал мерзавец, противно ухмыляясь. – Тебе понравится.

Лэа сжала кулаки. Как она ненавидела в этот момент свою собственную беспомощность, против этого подонка у нее не было оружия.

Из груди его вырывалось хриплое дыхание. Тело болело под тяжестью этого гада.

– Отпусти ее, – раздался чей-то глухой, полный ярости, голос. – Иначе я перережу тебе глотку.

Лейс! Лэа узнала бы его голос из тысячи. Он пришел к ней на помощь!

– Что ты мне сделаешь, малец? – прорычал кареглазый.

– Я отрежу твой поганый язык и заткну им твою же глотку, или все станет известно масэтрам Алливу и Кэнду.

Парень тяжело дышал. Лейс не оставлял ему выбора. Либо смерть, либо позор.

– Выбери, – потребовал Лейс. В его голосе звенела сталь.

– Я уйду, – тяжело проговорил парень. – Но ты еще пожалеешь...

Он отпустил Лэа и тяжелой поступью скрылся за дверь.

– Ты в порядке?

Лейс присел на краешек кровати и взял Лэа за руку.

Она кивнула, пытаясь сглотнуть застрявший в горле ком.

– Я попрошу масэтра Аллива приладить на твою дверь замок. Ты не будешь больше бояться.

Она еще раз кивнула. Сегодняшнее событие навсегда убило в ней чувства.

– Я не боюсь. Ты рядом...

Замиэйские горы было еще далеко, но Лэа уже чувствовала, что людской дух все больше уступает эльфьему. Вскидывая голову, она различала посеребренные снегом пики.

В тот далекий вечер, заполненный страхом и горечью, она разучилась верить людям. Единственным человеком, которому она доверяла, с тех пор была она сама.

Замок на ее дверь действительно был прилажен, но закрывала она его только первый месяц. Потом ее комнату обходили десятой дорогой, даже если дверь была нараспашку. Ее боялись. Ее уважали. Ее боготворили. Ее ненавидели и любили.

Лейс...

Она повернула голову и краем глаза посмотрела на ехавшего справа от нее Лейса. Ей была видна его синяя татуировка, блики солнца на рыжих кудрях, бронзовая блестящая кожа, улыбающиеся ореховые глаза... он был ей очень дорог, она относилась к нему как родному брату, который когда-то был ей близок.

Райт...

Она бросила быстрый взгляд на ехавшего по другую сторону Райта. Сравнить людей она не любила, так как это путь заведомо тупиковый, но не сравнивать Райта и Лейса она не могла, поэтому злилась.

– Что-то не так? – спросил чуткий к перепадам ее настроения Райт.

Она улыбнулась краем рта, не выдавая своих мыслей. Несмотря на теплый летний день, на сердце был могильный холод, и тоска... что-то не давало ей покоя. Это что-то находилось так рядом, достаточно протянуть руку, чтобы схватить, но только пальцы оказываются рядом, это «что-то» ускользает, как сиреневый предрассветный туман. Было в Райте что-то такое, что заставляло ее настораживаться, не давало расслабиться и упиваться жизнью.

Голову заполняли пустые и тревожные мысли, замкнутые вокруг Джера. Она уже семь лет не могла думать ни о чем другом. Порой среди них яркой вспышкой мелькал образ Ирди, ее дракона...

Что с ней случилось? Почему она погибла? Лэа чувствовала, что ответ на этот вопрос также плавает где-то рядом на поверхности, но ускользывает от нее...

– Все в порядке? – тревожно повторил Райт свой вопрос.

– Да, все хорошо, – ответила она тихим голосом.

Поздно вечером они разбили ночлег у одного из придорожных камней, установленных специально для уставших путников.

Лэа достала из ножен свой залежавшийся клинок, который радостно зазвенел,

приветствуя хозяйку.

– Здравствуй, мой дорогой, – обратилась она потихоньку к мечу. – Скучал?

Сталь зазвенела, отвечая.

Она улыбнулась.

Скрывшись в темноте, куда не дотягивались отблески костра, она продолжила тренировку.

Лэа взмахнула мечом, тренируясь. Она упивалась такими моментами, когда меч быстро и без препятствий рассекал свежий ночной воздух, обдавая лицо прохладным ветерком.

Еще один взмах мечом и лезвие зазвенело, столкнувшись с другим. Лэа обернулась.

Лейс.

Он был немного бледен, но улыбался. В усталом взгляде его была решимость, в движениях – гибкость и осторожность. Медленно, походкой рыси, готовой к прыжку, он подошел к Лэа. Приблизил свое лицо очень близко, обдал ее жаром своего полуобнаженного и разгоряченного за день тела.

– Лэа...

Она отступила на шаг, приподняв меч.

– Выслушай меня.

– Я знаю все, что ты мне скажешь.

Ее слова резанули больно, но Лейс сдержался.

– Значит, ты все знаешь. Ничего не изменилось с Логи Анджа. Я по-прежнему люблю тебя, хоть ты и ускользнула, не прощаясь. Но вот ты...

Она молчала, судорожно закусив нижнюю губу.

Тихонько скрипнула оставленная ею открытой дверь, в проем заглянула огненно-рыжая голова.

– Тише! – шепнула Лэа. – Радугла патрулирует коридоры...

Лейс закрыл дверь, на цыпочках дошел до кровати, сел на нее.

– Ты точно мне сегодня расскажешь?

Лэа кивнула, придвинулась ближе.

Полная луна заглядывала в окно, наполовину прочертив небосклон, когда

Лэа закончила свой рассказ.

Она сидела, прижавшись лицом к плечу Лейса, и по щекам ее медленно текли слезы.

Лейс ласково гладил ее по голове, что-то шептал, набираясь решимости.

– Лэа... – глубоко вдохнул он, нежно приподнимая ладонями ее подбородок. – Ты очень красивая...

Лэа усмехнулась.

– Я знаю, что это не так...

Ее треугольное ровненькое личико в обрамлении иссиня-черных кудрей завораживало Лейса, он запротестовал:

– Нет! Как только я увидел...

– Тише... – она приложила свой палец к его губам, напроць лишив способности его говорить.

Ее губы озарила восхитительная улыбка. Только Лэа ун Лайт могла улыбаться так, что его сердце трепетало.

Она взяла его за руку.

Сердце у Лейса остановилось.

– Когда я жила в Асенте, я всегда мечтала, что выйду замуж только за воина... – неожиданно сказала она.

– Теперь ты сама воин, – нежно подсказал ей Лейс.

– Да согласилась она. Это так. И теперь я думаю по-другому.

– Как же? – едва слышно выговорил Лейс.

Лэа приблизила свое лицо максимально.

– Я хочу, чтобы им был ты...

И все слова были сказаны.

В голове Лейса взорвались многочисленные фейерверки.

В глазах Лэа образовалась огромная Вселенная, которая затянула Лейса отныне и навеки.

Губы Лэа были мягкими и теплыми. Лейс не чувствовал ничего такого, что обсуждали на заднем дворе школы его сверстники и друзья, но одно он знал точно: никому и никогда он об этом не расскажет, а сохранит в тайне в своей душе.

Лейс обнял ее одной рукой за шею, продев ее под шелковистой волной волос, которые она столько раз порывалась обрезать.

Никогда, никогда он не мог представить себе, как эти живые локоны слетают с ее плеч безжизненными и мертвыми прядями!

Лейс крепко обнял ее, прижав к себе, нежно провел большим пальцем по щеке.

– Я никогда тебя не оставлю, – пообещал он, ласково опуская ее на кровать. – Никогда в этой жизни.

– И я тебя, – ответила она, обвивая его своими руками. – Мы всегда будем вместе, Лейси... обещаю.

Лейс хотел притянуть ее к себе, зарыться лицом в мягкие черные волосы, вдохнув их горьковатый запах, но не смог этого сделать. Она отступила на шаг.

Сопротивляться? Тогда он уйдет. Навсегда.

Думай, Лэа, думай! Что с тобой? Ты всегда соображаешь быстро. Что же случилось? Что с тобой? Лэа прикрыла глаза. Думать совершенно не хотелось.

Лейс шагнул ближе, запрокинул назад ей голову, зарылся рукой в шелковые змеи черных волос и поцеловал в губы.

«Не надо, Лейс! – Мысленно призывала его Лэа. – Ты убиваешь меня! Не делай этого!»

Воспоминания вспышками пронеслись в голове, рождая картины одна прекраснее другой.

– Ты русалка... – прошептал Лейс. – Ты меня околдовала... семь лет я твердил себе, что ты для меня ничего не значишь, что ты лишь детское увлечение, но... все напрасно.

– Лэа! – из света костра донесся голос Райта.

– Хватит, Лейс... – она оттолкнула его. – Это осталось в прошлом...

– Кто сейчас?.. – Лейс зло сощурился. – Райт?..

– Уходи, – бросила она, отворачиваясь.

– Уйти?

– Да...

Она отвернулась, пряча светящиеся, как у рыси, зрачки.

– Или держи себя в руках...

Лейс промолчал, сглотнув царапнувшую острыми когтями обиду.

– Но тебе ведь понрав...

– Замолчи немедленно! – зашипела на него Лэа. – Я не желаю слушать тебя!..

– Как хочешь, – передернул плечами Лейс.

– Что здесь творится?

Из темноты к ним шагнул Райт.

Во взгляде – вопрос, на губах – усмешка.

– Это не твое дело, – зловеще сказал Лейс.

– Не груби Райту, – злым голосом прервала его Лэа.

– Еще как мое... – в голосе Райта звучала скрытая угроза.

Они смотрели друг на друга в упор. Лэа интуитивно чувствовала их нервы, натянутые стальными неимоверно тонкими пружинами. Только дотронься – и сорвется, лопнет, разбрызгивая сталь.

Они смотрели друг на друга, их руки непроизвольно тянулись к ножнам.

Они не замечали Лэа, между ними шел немой разговор, и это раздражало юную наемницу.

– Эй, хватит вам!

Она встала между ними, изо всех сил оттолкнув друг от друга. Наваждение пропало.

– Тебе не мешало бы причесаться, – бросил ей в лицо Райт и скрылся в темноте.

В бессильной злобе Лэа села на землю.

– Ну и проваливай! Видеть тебя не желаю!

Она воткнула обиженно загудевший меч в землю, и замерла, сложив на него руки и опершись подбородком.

Сказать, что внутри нее полыхала злость и обида – не сказать ничего.

Она клокотала от ярости, как взрывное друидское зелье. Стоит только поднести спичку – и вспыхнет синим пламенем.

– И ты уходи! – крикнула Лэа уже Лейсу, собиравшемуся присесть рядом с ней на корточки.

Лейс передернул плечами и ушел.

Лэа изо всех сил сжимала серебряную гарду меча.

Что происходит с ней?

Что толкнуло ее в страстные объятия Лейса?

Найти отчет своим действиям она не могла, поэтому выбрала путь, который выбирала всегда: решила остыть.

– Лэа? – тихий, журчащий как ручеек голос Акфилэ омыл разгоряченное сознание прохладой.

Эльфка присела рядом. Слова были не нужны. Она взяла своими холеными маленькими пальчиками натруженную ладонь Лэа в истертых наручах и крепко сжала.

– Скажи что-нибудь... – тихо попросила ее Лэа. – Твой голос...

Акфилэ улыбнулась чуть грустной улыбкой.

– Если хочешь, я спою...

Лэа кивнула. Глаза ее были закрыты. Голос Акфилэ убаюкивал и успокаивал. Она запела на самом чистом эльфьем языке, который Лэа доводилось слышать в своей жизни.

– Ael malors laikva miklax

Winita anare sineida

Ael malors kosaw luqlax

Winita anare diujida
Ael malors
Ael malors
Pioriti diniya, Eallon!
Hinaes tiis Remaisel ...
Piori olixiz, Eallon!

Слова перекатывались как хрустальные горошины, звенели и переливались, отражались в далеких звездах и, вспыхивая, возвращались назад. Голос эльфки то затихал, соревнуясь с шелестом стелящейся степной травы, то возвышался, опережая звон хаарского клинка. В переводе с эльфьего языка на всеобщий, песня звучала приблизительно так:

Благослови зеленые поля
Лучами солнца озари
Благослови цветущие сады
Лучами солнца согрей
Благослови
Благослови
Милостивая богиня, Эаллон!
Детей своих эльфов
Милостью свыше, Эаллон!

При переводе она теряла что-то важное, и Лэа махнула на это дело рукой. Хоть она и знала более десяти языков и двадцати наречий, выученных в Логе Анджа, переводить песню не имела смысла – дело было не в словах, дело было в силе, которую нес голос эльфки. Он действовал на Лэа успокаивающе, как мягкая и теплая материнская рука. А эльфка продолжала петь:

– Ael malors
Ael malors
Pioriti diniya, Eallon!
Uriti tiis remaisel...
Piori olixiz, Eallon!..

Песня затихала, треск костра тоже. Лейс и Райт укладывались спать по разные стороны костра. Лэа и Акфилэ еще долго сидели в темноте и молчали.

О чем думала эльфка, Лэа не знала. Сама же она думала о том, что не следовало им всем путешествовать вместе. Большая группа людей видна издалека, и... но что же это? Она рада, что путешествует не одна, а со своими друзьями... хоть они и переругались все сегодня вечером, не пройдет и дня, как все снова будут вместе.

До Кан Д'Иара еще тринадцать дней верховой езды. Когда они доберутся до него, будет уже середина лета. Лэа сможет увидеть самый великий праздник эльфов – праздник летнего равноденствия.

– Лэа... – Акфилэ закончила петь, голос ее был немного хриплым, но все равно приятным.

Она отбросила назад тяжелые золотые локоны.

– Я хочу сказать тебе, когда мы приедем, Алэтана, да осияет ее лунный свет, будет благодарить тебя за то, что вы вернули меня домой. Она будет предлагать тебе все, что твоя душа пожелает...

– Мне ничего не нужно, – равнодушно сказала Лэа.

– Нет, нельзя отказываться. Она будет проверять тебя. По тому, что попросишь у нее, она сможет понять очень много, поэтому я хотела предупредить... будь осторожна. Не проси слишком много, это может оскорбить эльфов. Не именно королеву, она очень добра, но настроить против тебя народ, уязвленный человеческой жадностью.

Лэа загадочно улыбнулась.

– В таком случае, я знаю, что попросить...

Она встала, опершись на меч.

– Пойдем, я хочу спать...

Выдернула лезвие из земли и, осторожно вытерев пучком мягкой шелковой травы, спрятала в ножны.

В воздухе висела напряженность, пахнувшая крупными неприятностями и большой опасностью.

Странная компания, стреножившая лошадей у подножья Замизэйских гор, выглядела настороженно.

Стражница, выглядывавшая из-за разлома в скале, с луком на изготовке, внимательно изучала их.

Самая необычная девушка, по-видимому, лидер, держащаяся чуть впереди остальных, внешне была расслаблена, но стоило взглянуть, и было заметно, что она как звенящая тетива, которой не терпится сорваться в полет. Она собрала волосы в хвост, лоб подвязала синей тесьмой. Миндалевидные раскосые глаза внимательно оббежали окружающий ландшафт в поисках засады. Одета она была в тугой черный корсет, стягивающий талию и черную набедренную повязку, на ногах были зашнурованы высокие ботинки. За спиной виднелась серебряная рукоять внушительного меча. Взгляд девушки был зловещим из-за некоего необычного шрама, делящего лицо причудливым образом. Этот шрам не желал слушаться хозяйку и искажал любое ее выражение лица.

С одной стороны рядом с ней находился бронзовокожий рыжий мужчина с повадками расслабившегося ленивого кота и приятным ореховым, хотя и немного хитрым, взглядом. Из оружия на нем был двуручный меч и кинжал, нарочито небрежно воткнутый за голенище сапога. Этого недооценивать не стоило. Приглядевшись повнимательнее, стражница различила еще несколько кинжалов, ловко спрятанных в складках на одежде.

С другой стороны от девушки был молодой мужчина с внимательными глазами такого удивительного и яркого синего цвета, что стражница ни на минуту не усомнилась, что в его жилах есть солидная примесь эльфьей крови. Темные волосы нарочито небрежно взъерошены, к луке седла крепится меч, за поясом метательный нож, за спиной лук, к портупее седла прикреплен праща.

Но самым удивительным было присутствие в их компании абсолютно не вооруженной восточной чистокровной эльфки. Она не была похожа на заложницу, скорее всего, проводник. Было что-то неуловимо знакомое в ее бирюзовом взгляде, повороте головы, осанке, даже манере держать поводья.

Черноволосая девушка повернулась к своим спутникам вполоборота и стражнице стала видна ее татуировка. Два скрещенных меча, обвитых раздвоенным языком – герб Логи Анджа. Это уже интереснее. Стражница оглядела всех повторно, но уже более внимательным взглядом. Такая же татуировка обнаружилась у рыжего.

«Два татуированных выпускника Логи на одну компанию... это много, – подумала стражница, весьма наслышанная о возможностях таких бойцов».

Скрываться дальше смысла не имело, и стражница спрыгнула со скалы прямо к людям.

«Хорошая растяжка, – подумала Лэа, и встала на одно колено перед стражницей».

«Хорошее начало, – подумала стражница, когда все четверо склонились в поклоне, приветствуя ее».

– Встаньте, дети мои, – ласково сказала она.

Лэа встала. Она внимательно разглядывала стражницу, не сомневаясь в том, что стражница уже хорошо изучила их. Когда они подъехали к скале, Лэа долгое время ощущала ее пристальный взгляд, но обнаружить, откуда он исходил, так и не смогла.

[Купить полную версию книги](#)